

МАВР СДЕЛАЛ
СВОЕ ДЕЛО

A woman with long dark hair, wearing a white blindfold and a white dress, stands against a dark red background. She holds a sword in her right hand and a pair of scales of justice in her left. The scales are tilted, with the right pan being lower. The overall mood is dramatic and mysterious.

**ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА**

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Мавр сделал свое дело

Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125319*

Аннотация

Итак, она звалась Татьяна... Но главная роль в расследовании нескольких убийств досталась ее сестре Ольге Лариной. Тезки пушкинских героинь оказались в числе наследников богатого коллекционера. Родственников вообще-то хватает, и расчет прост: чем их меньше, тем больше доля. Вот тут и начинаются убийства. Племянница Ирина, карлик Леопольд, друживший с коллекционером... Да и сам коллекционер, как выяснилось, умер не своей смертью. А тут еще слухи о страшном двойном убийстве, произошедшем в этих краях много лет назад. Но для Ольги чем опаснее, тем интереснее. В конце концов она выводит убийцу на чистую воду. К сожалению, происходит это, когда она оказывается в его лапах. И, похоже, спасения ей ждать не от кого. Разве только от некоего Кирилла, весьма темной личности. Ведь именно ему звонит сейчас убийца...

Татьяна Полякова

Мавр сделал свое дело

Мужчине на вид было около сорока. Дорогой костюм, галстук с золотой булавкой. Он рывком ослабил узел галстука, страдальчески морщась. Интеллигентное лицо с аккуратной бородкой, тонким носом и темными гипнотическими глазами сейчас вряд ли можно было назвать приятным. Он нервно шевелил губами, точно произнося бесконечный внутренний монолог. Впрочем, так оно и было. С той самой минуты, как он узнал об убийстве, он не мог успокоиться. А успокоиться было необходимо, чтобы принять решение. Очень важное. Настолько важное, что от него зависит его дальнейшая жизнь.

Именно жизнь, а не карьера и благополучие, как он думал вначале, потому что теперь он вдруг осознал, что карьера для него и есть жизнь. И сейчас, когда он в трех шагах от вожаемой цели...

– Сволочь, – прошептал он, скорее с болью, чем со злостью, сам не зная, кому адресует это обвинение. Наверное, всем, кто посмел встать между ним и его мечтой. – Я никому не позволю, – вновь прошептал он и отчаянно покачал головой, мрачно усмехнувшись. – Не позволю...

Легко сказать, когда все, весь мир против... Ему вдруг сделалось так жаль себя, своих усилий, своих мук, что он ед-

ва не заплакал горькими детскими слезами.

– Нет, нет, нет. Надо взять себя в руки. Выход есть. Надо успокоиться, и тогда решение непременно придет.

Он схватил карандаш и принялся катать его по столу, но движения становились все более нервными, резкими. Они не приносили успокоения. В конце концов он сломал карандаш и швырнул на ковер.

Ковер ему подарили на тридцатипятилетие друзья. Ручная работа, шелк. Стоит сумасшедших денег. Его вновь пронзила мысль, принесшая острую боль: а если действительно придется расстаться со всем этим? С привычным комфортом, который стоит больших денег, с уверенностью, дарованной немалой властью.

– Я никому не позволю, – задыхаясь, прохрипел он, а внутренний голос меж тем насмешливо шептал: «Это все эмоции, а надо найти решение». «Взять и выпить до бесчувствия, – трусливо подумал он. – А что? Говорят, утро вечера мудренее».

Он поднялся, пересек кабинет, открыл дверцу бара, налил большую порцию коньяка и даже сделал глоток. Но вкуса не почувствовал. Растерянность, страх лишали всего, даже вкусовых ощущений.

– Это невыносимо, – решил он, вновь скатываясь к слезливой жалости к себе. Аккуратно поставил стакан, хотя испытывал желание швырнуть его в стену, и прошелся по кабинету, сложив руки за спиной, гордо выпрямившись и вски-

нув подбородок. – Я справлюсь, – монотонно повторял он, печатая шаг. – Я справлюсь. Я найду выход.

Он продолжал вышагивать по кабинету, но мысли в его голове путались: то он видел себя Наполеоном в последней битве, то вновь начинал жаловаться, как жестоко обошлась с ним судьба. Он не считал, что в этом есть его вина. О своей вине он давно и благополучно забыл. Разве не расплатился он за нее годами страха и унижения? Иногда он думал, вспоминая Лидию: «Ей хорошо». Да, да, именно так, точно он по доброте душевной избавил ее от мук.

А сколько пришлось пережить ему? Этот чертов старик, эти проныры-следователи, все они хотели лишь одного: уничтожить его, такого талантливого, рожденного для счастья, богатства, власти... Он понемногу успокоился, вернулся за стол, вытянув руки, разглядывал свои нервно дрожащие пальцы. Манжет белой рубашки выглядел несвежим, он с раздражением натянул на него рукав пиджака. Сегодня у него не было времени даже для того, чтобы принять ванну и переодеться. За это он тоже винил этот мир, где все, все, все против него.

– Выход есть, – с решимостью отчаяния произнес он. – Можно обратиться к начальнику охраны. Андрей – решительный парень и вряд ли особо обременяет себя вопросами морали. За приличные деньги он наверняка согласится решить мою проблему.

Но тут же все в душе воспротивилось этому. Андрею при-

дется все как-то объяснить. И что? Вместо одного типа, держащего его за горло, он получит другого. И снова липкий пот при мысли о том, что в один прекрасный день... «Андрей не годится, – решил он. – Никто, никто не должен знать об этом. Я должен сам...» Плечи его передернулись, точно в ознобе, он не представлял, что и как «сделает сам», но уже знал, что просить об услуге никого не будет. «А может, старик все врал? – явилась спасительная мысль. – Что у него могло быть? Он просто сам что-то видел (безусловно, видел, в тот свой визит он описал происходящее так, что это не оставляло сомнений). Пока он был жив, то есть пока был жив свидетель, он, безусловно, представлял угрозу, но теперь его нет. Следовательно, нет и угрозы».

Мужчина с горечью покачал головой. Он помнил тот визит в мельчайших деталях, точно это было вчера. Он тогда удивился, узнав, что старик решил его навестить. Слегка удивился, но даже особенно не утруждал себя мыслями на тот счет, зачем старику понадобилось приехать сюда. «Встретимся, и объяснит». Так он подумал тогда, не подозревая, какой сюрприз готовит ему судьба. Какой чудовищный сюрприз. Ведь он в самом деле успел забыть и только ночью, в кошмарах видел Лидию. Просыпаясь в холодном поту, он поспешно гнал мысли о ней.

Старик тогда с улыбкой протянул ему руку, устроился в кресле, хозяин кабинета начал светский разговор, но гость внезапно перебил его. Сухо и деловито изложил свои требо-

вания. Потом поднялся и, пока он пребывал в прострации от только что услышанного, прошел к двери, обернулся и серьезно сказал:

– И вот еще что, молодой человек, если вы вдруг решите избавиться от меня... мои показания, подпись на которых заверена нотариусом, лежат в ячейке банка. Так что... не советую, одним словом.

Тогда он так же, как и сейчас, долго не мог прийти в себя. А потом... потом принял решение. И несколько лет исправно платил.

Они даже подружились. Довольно странная дружба, если учесть обстоятельства. Наверное, их сблизила общая тайна, а еще то, что принято называть родством душ. В сущности, они оба мерзавцы. Когда ты знаешь о себе такое, это весьма неприятно, но, когда рядом твой двойник, в голову приходят утешительные мысли, что все мы не без греха и все под богом...

В один из вечеров, когда они благодумствовали у камина, он решился завести со стариком разговор. Он пытался придать и своему голосу, и своим словам некую иронию, чтобы в любой момент обратить их в шутку. Но старик ответил совершенно серьезно:

– Вам не о чем беспокоиться. Я обо всем позаботился. Если я умру, своей смертью, разумеется, бумаги будут уничтожены.

Теперь и он стал серьезным, напускная ирония мгновенно

исчезла.

– Я вам верю. И, честно скажу, я вам даже признателен, как ни странно это звучит. Но есть ведь еще несчастные случаи. Никто не застрахован...

Старик засмеялся, сначала тихонечко и язвительно, потом громко, раскаты его хохота сотрясали гостиную. Смех оборвался так же неожиданно, как и начался. Старик подался вперед и, глядя ему в глаза, сказал:

– Я очень осторожный человек. А в ваших интересах позаботиться, чтобы никакого несчастного случая со мной не произошло.

После того разговора он даже некоторое время подумывал об охране старика, но потом отмел эту мысль как бредовую. Старик жил затворником, и вероятность несчастного случая представлялась ничтожной. А такая чрезмерная забота о безопасности старика кое-кому показалась бы подозрительной и не преминула вызвать живой интерес у его многочисленных врагов. «А может, не было никаких показаний? – вновь вернулся он к спасительной мысли. – Старик просто пудрил мне мозги. Или, возможно, были, но потом он их уничтожил, поняв, что я готов платить и впредь». Он даже подумал: «Мы ведь были друзьями», – и сам рассмеялся абсурдности такого утверждения. Похоже, ему ничего не остается. Если бумаги в банке, они вскоре будут переданы в руки правоохранительных органов. И тогда...

– Следует позаботиться о хорошем адвокате, – очень мед-

ленно произнес он.

Он наблюдал за ней, делая вид, что читает газету. Наблюдал с какой-то брезгливой отстраненностью, точно смотрел от безделья надоевший фильм. Он отмечал все: располневшую фигуру, сеточку морщин возле глаз, начавшую отвисать кожу на подбородке. Все это признаки утраченной молодости... Теперь было трудно понять его безумства, дикую, испепеляющую страсть, которая охватывала его при виде этой женщины. Страсть, которая заставила его пойти на преступление, которая перечеркнула всю его жизнь, исковеркала, сломала, разрушила.

Иногда ему казалось, что от его жизни ничего не осталось, она оборвалась, давно, много лет назад, а теперь он просто ожидает, когда закончится отведенный ему срок. Иногда он называл это чистилищем.

– Ты будешь чай? – спросила жена, стоя у плиты.

– Нет, спасибо, – поспешно ответил он и сделал вид, что читает газету. Разговаривать с ней сделалось для него настоящей пыткой. Иногда за весь день они не произносили и десятка слов.

На смену отстраненности вдруг пришла отчаянная злость. Она никогда не любила его. Никогда. Это он, дурак, верил, что она полюбит его, непременно полюбит. Как же иначе? Когда поймет, что все, все он делал из-за любви к ней... Но ей было на это наплевать. Он потратил жизнь впустую, и все

из-за ее стойкого нежелания любить его.

Он знал, что мог бы быть счастлив. Даже сейчас. Потому что она все еще красива. . . Нет, на самом деле она очень красива, ей всего тридцать пять, и мужчины до сих пор смотрят ей вслед. Но теперь, через столько лет, уже нечего надеяться, что она полюбит его.

Женщина неслышно вышла из кухни, а он с облегчением вздохнул, отбросил газету и стал смотреть в окно.

– Жизнь прошла, – сказал он с печалью. На мгновение мелькнула мысль: бросить все и уехать. У него есть деньги, много денег. Наконец-то он сможет их потратить так, как ему вздумается. Но он знал, что никуда не уедет. Даже для того, чтобы спастись. Апатия и безразличие. «Просто надо дожить», – так думал он, глядя в окно, прекрасно осознавая, что это неправда. Инстинкт самосохранения в нем никуда не исчез, в чем он недавно мог убедиться.

Просто он знал, что она никуда не поедет. Она точно привязана к этому проклятому месту. Несколько раз он видел ее там, она стояла под деревом больше часа, стояла, сложив на груди руки, ни разу не шелохнувшись. Должно быть, сукин сын тоже застал ее за этим занятием и заподозрил неладное. Не сама же она рассказала? На это не хватит даже ее глупости.

Она никуда не поедет, а он не сможет уехать без нее. Сколько бы он мысленно ни называл ее старой бабой, сукой и дрянью, жизнь без нее лишается последнего смысла.

Он усмехнулся, решив, что это звучит совершенно по-дурачки: «последний смысл». В первый год они не могли покинуть это место, чтобы не вызвать подозрений. Но тогда он еще питал иллюзии и любил мечтать о том, «как прекрасно мы заживем». Она слушала с безразличием, мечты потихоньку таяли, а они продолжали жить здесь. Сначала он утешал себя тем, что действительно разумнее остаться еще на некоторое время, потом решил, что если его место займет другой, то ненароком сможет докопаться до истины, пока наконец не понял, что его, как и ее, тянет к этому месту точно магнитом.

Лет пять назад они поехали в Турцию, наконец-то выбрались отдохнуть. В первую же ночь ему приснилось, что его тайна раскрыта. Он едва удержался, чтобы не улететь ближайшим рейсом. После этого о путешествиях они больше не заговаривали и об отъезде тоже.

Он мог бы сбежать за границу. С деньгами везде хорошо, так говорят. Там ему станет безразлично, узнает кто-то его тайну или нет. Хотя бежать придется далеко, скорее всего, на край света. Он знал, как настойчивы они могут быть, когда захотят. Но она не поедет. Его здесь держит страх, а ее проклятая любовь к тому ублюдку, а может, ненависть к мужу, что более вероятно. Он отнял ее любовь, а она жестоко отомстила своей нелюбовью и равнодушием к нему. Они обречены быть вместе в несчастье и страдании.

«Скованные одной цепью, – невесело усмехнулся он. – Бу-

дем жить долго и умрем в один день».

Он притормозил у обочины. Лариса остановила свою машину в двух метрах от его «Лексуса». Он вышел, оставив дверь открытой, сделал несколько шагов и замер, разглядывая открывшуюся отсюда картину.

Лариса устало провела рукой по волосам, не спуская с мужчины взгляда. Он стоял, широко расставив ноги, сунув руки в карманы брюк. Ветер трепал его волосы, заставлял щуриться.

Мужчину трудно было назвать красавцем. Ничего общего с физиономиями глянцевого журнала: дерзкое лицо с хищным носом, в глазах то ли насмешка, то ли презрение, темные, довольно длинные волосы он убирал со лба обеими ладонями, медленно, точно выполнял ритуал или хотел избавиться от чего-то, по его мнению, лишнего, стряхнуть с себя.

Она сама удивилась, что успела за это короткое время изучить каждый его жест. Почему-то ей казалось, это важно. Если она что-то разглядит в нем, поймет, он останется с ней.

Он достал из кармана пиджака темные очки, спрятал за ними глаза, и теперь ему очень бы подошло определение «мачо». Этому способствовала любовь к дорогим костюмам, которые, надо признать, он умел носить. Высокий, широкоплечий, он неизменно притягивал к своей особе внимание женщин. Только вряд ли этим дорожил. Скорее его это смешило. Может быть, развлекало, чуть-чуть. «Глупые, глупые

женщины, точно мотыльки летят на свет, – невесело усмехнулась Лариса. – Не понимают, как это опасно. Он опасен, – подумала она, продолжая наблюдать за ним. – Он очень опасен». Но это ничего не меняло. Она могла думать только о нем, говорить только о нем, она хотела быть рядом с ним, чего бы ей это ни стоило, но уже знала, вряд ли он это позволит.

Он появился в ее жизни всего десять дней назад, а теперь она не могла поверить, что столько лет жила без него. Прошлая жизнь казалась бессмысленной. Благополучная сытая жизнь, которой многие могли бы позавидовать. Иногда она самой себе завидовала, удивляясь, как благоволит к ней судьба. И когда он появился, она решила – это ее самый роскошный подарок, что называется, под занавес.

Он пришел в ее риелторскую фирму, когда рабочий день уже подходил к концу. Ее сотрудники редко засиживались в офисе, и в тот раз она была одна. Звякнул колокольчик, она обернулась и увидела его. Он поздоровался, снял очки и с любопытством огляделся. Она ответила с видом женщины, знающей себе цену, вежливо, уверенно, с едва угадываемой иронией. Вошел, посмотрел, а дальше что?

– Я хочу снять дом, – сообщил он и улыбнулся.

Почему-то тогда ей показалось, что прозвучало это издевательски, но она ответила все так же вежливо:

– Что вас конкретно интересует? Прошу вас, присаживайтесь.

Он прошел, сел и коротко и четко изложил свои требования и вновь улыбнулся ей, точно спрашивая: «Ну что, справишься?»

– В этом месте не так много домов. Что, если ни один из них не сдастся?

– Надо постараться. – На этот раз улыбка едва тронула его губы.

– Но...

– Я заплачу вам за хлопоты, – кивнул он. – Цену назовете сами.

– Но... что, если мы немного расширим территорию поисков? Вот здесь прекрасное место... – Она торопливо достала карту, разложила на столе, но он покачал головой, не удостоив ее взглядом.

– Я уверен, что достаточно ясно изложил свои требования.

– Да, – кивнула она, глядя на него во все глаза. Сердце вдруг часто-часто застучало возле самого горла. – Я постараюсь.

– Вы найдете дом или мне следует обратиться в другое агентство? – поднял он брови. От ее женской гордости ничего не осталось, и она поспешно ответила:

– Я очень постараюсь. – Испугалась, что он сейчас уйдет, и сказала: – Я найду.

Она начала что-то говорить, объяснять, то и дело повторяясь, но ей было все равно, только бы удержать его здесь

хоть на лишнюю минуту. «Господи, пусть мне повезет», – молилась она.

Он глядел на нее с ласковой усмешкой, словно читал ее мысли, потом перевел взгляд на часы, и она замерла, боясь, что все ее надежды вмиг рассыплются.

– Довольно поздно, – сказал он. – Ваш рабочий день наверняка закончился. Я прав?

– Да. Но...

– Что, если нам вместе поужинать? – перебил он, абсолютно уверенный в том, что ему не откажут.

Если бы кто-то другой вел себя подобным образом, она бы здорово разозлилась. Она и сейчас разозлилась, но проглотила и это. Улыбнулась и просто ответила:

– Да.

Офис они покинули вместе, в трех шагах от двери стоял серебристый «Лексус». Он распахнул его дверцу и помог ей сесть.

В ресторане он предпочел отдельный кабинет, и она безропотно согласилась.

– Как тебя зовут? – спросил он, на мгновение оторвавшись от меню.

– Лариса, – ответила она, хотела съязвить на тему стремительного перехода на «ты», но промолчала. – А вас? Тебя?

– Кирилл, – ответил он и вновь уткнулся в меню.

«Какой-нибудь богач, свихнувшийся на своем могуществе», – решила она, но тут же простила ему и этот тон, и

уверенность, непоколебимую уверенность, что именно так она и поступит. Впрочем, он оказался очень милым собеседником. Кирилл умел быть внимательным, заботливым и не скупился на комплименты.

– Одна живешь? – спросил он, когда они перешли к десерту, и вновь она просто ответила:

– Да.

Он кивнул.

– Тогда поедem к тебе.

Бабочка, бабочка, летящая на огонь. Как только они вошли в ее квартиру, она оказалась в его объятиях, а дальше... дальше все перестало иметь значение. Он был рядом, и она уже знала, что сделает все, чтобы удержать его. Страх и беспокойство сменило ощущение сумасшедшего счастья. Все, о чем она только могла мечтать, вдруг обрушилось на нее точно весенний ливень, и она беспричинно смеялась и плакала, будто глупая девчонка.

– Господи, я счастлива, – пробормотала она, не открывая глаз.

И услышала:

– Я рад. Так приятно сделать кого-то счастливым.

Он принес вина и теперь сидел на кровати вполоборота к ней. Протянул бокал и улыбнулся. Она погладила татуировку на его плече и совершенно отчетливо поняла, что все ее догадки о нем не имеют ничего общего с действительностью. Боль острой иглой вонзилась в ее сердце. Она вновь поглади-

ла орлиные крылья на его плече и не удержалась от вопроса:

– Откуда это?

– Ерунда. Сделал на память в Иностранном легионе.

– Ты служил в Иностранном легионе? – нахмурилась она, решив, что он шутит.

– Ага. Там не отказываются от заблудших овец, нашлось место и мне.

– Давно это было?

– Давно. Я успел забыть.

– Что было потом?

– Много чего. Это я тоже успел забыть. Я поживу у тебя, пока ты не найдешь мне дом, – добавил он как само собой разумеющееся, и она вновь безропотно согласилась:

– Конечно. – Потом собралась с силами и спросила: – Зачем тебе этот дом?

Он повернулся и с минуту молча смотрел на нее. Она поежилась под его взглядом и уже хотела пойти на попятный, сказать с улыбкой: «Не хочешь, не отвечай», но в этот миг он ответил:

– Хочу убить одного типа.

Она сразу же поверила. То, как он это сказал, не оставляло никаких сомнений.

– Ты... – медленно бледнея, начала Лариса, но он перебил ее:

– Нет, я не киллер. Просто старый долг.

И в это она поверила сразу и безоговорочно и сказала то,

что никак не могла ожидать от самой себя:

– Я могу чем-то помочь?

– Можешь, – улыбнулся он и весело добавил: – Найди мне дом. Я действительно заплачу, сколько скажешь.

Больше они не возвращались к этому разговору. И все последующие дни она была абсолютно счастлива, как только может быть счастлива женщина, вдруг нашедшая того самого, единственного мужчину.

Он встречал ее с работы, они ужинали в ресторане, а потом любили друг друга. Иногда к ней подкрадывалась мысль, что счастье ее продлится недолго, до того дня, когда она снимет для него дом. Но она поспешно гнала эту мысль. Только однажды спросила:

– Кирилл – твое настоящее имя?

– Какая разница? – удивился он, и вновь боль острой иглой вонзилась ей в сердце, но она еще надеялась.

И вот этот день пришел. Кирилл смотрел на озеро, дома внизу, и вряд ли в его мыслях нашлось место для нее. Он резко повернулся и пошел к ней. Открыл дверь ее машины и сказал:

– Дальше я поеду один. Спасибо тебе. – Наклонился и поцеловал ее в губы.

– Мы увидимся? – жалко спросила она.

– Возможно. Не знаю. На всякий случай прощай.

Он захлопнул дверь и зашагал к «Лексусу».

Она сидела опустошенная, раздавленная, она знала, что

никогда больше не увидит его. Хотела зареветь, но слез не было. Только горечь, что мечта, как и положено мечте, оказалась недостижимой.

– Прощай, – прошептала она с покорностью, успевшей стать привычной, принимая боль.

В тот день я затеяла уборку, таким образом решив отпраздновать свое освобождение. Я наконец-то избавилась от измотавшей меня работы. Заявление я написала еще три месяца назад, но мой шеф, зануда и жадина, оттягивал нашу разлуку под разными благовидными предложениями. На них он был мастер.

Последнее время я работала по двенадцать часов в сутки и по этой причине новое место подыскать не могла, но это не портило моего прекрасного настроения. В том, что я найду работу, я ничуть не сомневалась, а пока просто радовалась, что счастливо избавилась от прежней.

Квартиру за три месяца я умудрилась запустить до такой степени, что она больше напоминала стан половецких воинов. По субботам мне тоже приходилось работать, а в воскресенье я отсыпалась, не в силах заниматься какой-либо полезной деятельностью. И теперь носилась с пылесосом, распевая песни, изо всех сил стараясь переорать работающий пылесос. Из-за этого шума я едва слышала звонок в дверь, выключила пылесос, набросила халат и пошла открывать.

Танька ворвалась в квартиру наподобие урагана. Просто

входить она не умела. На мой взгляд, сестрица все и всегда делала с избытком энергии. Она старше меня на четыре года, и когда-то это доставляло мне массу неприятностей, потому что сестра с воодушевлением воспитывала меня.

В детстве я ее не особенно жаловала и даже завидовала тем девчонкам, у кого не было ни сестер, ни братьев. Все изменилось, когда я в пятнадцать лет впервые влюбилась. Сестрица, обратив внимание на мою кислую физиономию, тут же взяла быка за рога, точнее, меня за руку, отвела в комнату, которую мы вынуждены были делить с ней, и сказала:

– Давай колись: кто он?

Посвящать ее в свои сердечные дела я не собиралась, но, как говорится, от черта молитвой, а от Таньки ничем, пришлось в конце концов все ей рассказать. Вот тут я и поняла, как это здорово – иметь старшую сестру. С того момента мы стали неразлучными подругами, к большой радости наших родителей. Знали бы они, о чем мы беседуем по ночам, не спешили бы радоваться.

Фамилия наша Ларины, родители проявили оригинальность и назвали дочку Татьяной, а когда родилась я, выбор был ограничен до одного имени, поэтому я звалась Ольгой. Таньку в семье считали умной, а меня красавицей. От девочки моей внешности ума никто не ждал. Мужчины непременно мне улыбались, а потом говорили какую-нибудь глупость. Борьба с этим было бесполезно, и я смирилась.

Танька, которой приписывали большой ум, вовсе не бы-

ла дурнушкой, даже наоборот. Высокая, очень уверенная в себе, черноволосая и синеглазая, она любила «строить» мужиков, оттого мама справедливо опасалась, что мужа ей не видать как своих ушей без зеркала. Меня хоть и зачислили в дуры, при этом были уверены, что я непременно «сделаю блестящую партию». В устах моей мамы это звучало дико и могло означать все, что угодно. В семье бытовало мнение, что без родительской опеки я непременно пропаду. Мол, не найду булочную и умру от голода. Мама твердо сказала: «Ты не сможешь жить одна», – что и предрешило выбор моего учебного заведения: из двух университетов и трех институтов, что имелись в нашем городе. Танька поехала учиться в Питер, жила в свое удовольствие, кое-как сдавая сессию на тройки, что не поколебало уверенности семьи в ее уме. Я закончила университет с красным дипломом, но это семью не впечатлило.

В девятнадцать лет Танька обзавелась бойфрендом, весьма близкие отношения с которым и не думала скрывать от родителей. Любой парень, с которым я отправлялась в кино, подвергался тщательному изучению, как микроб под микроскопом. Ближе к двадцати я поняла, что раз не могу исправить ситуацию, следует ею воспользоваться, в том смысле, что если уж я не знаю, где булочная, значит, вопрос о том, кому идти в магазин, даже не встает.

– В магазин ходит папа, – голосом прокурора изрекала мама. – А ты лучше книжку почитай.

Как видно, мама искренне считала, что сие для меня труд непосильный и требующий колоссального физического напряжения.

– Хорошо устроилась, – весело хихикала Танька, наблюдая за тем, что происходит в родных пенатах. Университет она закончила, но в Питере не осталась, вернулась в родной город, устроилась в очень приличную фирму, сняла квартиру и дома появлялась только в субботу на семейный ужин. Родители и это скушали, глазом не моргнув.

– Таня знает, что делает, – было любимым маминым изречением.

Когда я, закончив худграф университета, намекнула... лучше бы мне этого не делать. Маме вызывали «Скорую», папа обошелся валерьянкой. Но тут на помощь мне пришла Танька.

– Перестаньте с ней носиться, точно она дитя малое, – «построила» она родителей в очередную субботу. – Эдак девка до пенсии проживет, чай не научившись заваривать.

– Чай прекрасно заваривает папа, – подала голос мама, но как-то неуверенно, суровость и бескомпромиссность умного ребенка произвели на нее впечатление.

– Про папу я все знаю, – еще больше посуровела сестрица, – а Ольгу надо приучать к самостоятельности. Пусть поживет одна, а я за ней присмотрю.

На глазах мамы выступили слезы, она перевела трагический взгляд на папу, но тот, по его выражению, «в женские

дела никогда не лез» и предпочитал заваривать чай.

Мама осталась в меньшинстве, и вскоре я перебралась в квартиру, которую помогла мне подыскать Танька, при этом она умело пресекла поползновения родителей ежедневно навещать меня в ней. В конце концов родители свыклись с мыслью, что мы теперь живем отдельно, папа увлекся рыбалкой, а мама записалась в женский клуб. Семья была счастлива.

Теперь впереди маячило историческое событие: Танька собиралась замуж. Мама успела обежать все магазины для новобрачных и обзвонить все рестораны. Я составлять ей компанию не торопилась, хорошо зная свою сестрицу. Я подозревала, что белое платье может ей и не пригодиться и «собирать бог знает кого в мой светлый день» она, скорее всего, тоже не станет. При этом «Скорая» маме вряд ли понадобится, обойдется любимой фразой: «Таня знает, что делает».

– Убираешься? – спросила Танька, чмокнула меня в нос, потопталась, сбросила туфли, опять потопталась, заглянула в кухню, сделала еще несколько лишних движений и в конце концов устроилась в кресле.

– Здравствуй, – сказала я.

– Привет, – кивнула она. – Что с работой? Все в порядке?

– Конечно, раз я уволилась.

– Так это же здорово, – замерев на мгновение, изрекла Танька. – И отпрашиваться не надо. Поедешь со мной.

– Куда? – вздохнула я, пристраиваясь по соседству, но все-таки не слишком близко. Танька любила размахивать руками

и ненароком могла зашибить.

– Витька наследство получил, – шмыгнув носом, сообщила она. – То есть вот-вот получит.

– Большое?

– Хрен знает. Какой-то дядя у него нарисовался, вроде бы даже знаменитость. Я о нем сроду не слыхивала, и вдруг такое счастье... Зинаида Петровна (это, кстати, мать Витьки) пребывает в недоумении и легком восторге.

– В чем? – насторожилась я.

– Говорит, дядя есть, то есть был, и вроде жутко богатый, но характер у него чрезвычайно скверный. Поэтому если он и вправду решил что-то оставить, так наследство может и впечатлить – оттого восторг, но не буйный, потому что дядя известный пакостник и хорошего от него ждать не приходится. Странно, что он вообще о племянниках вспомнил. Оттого и недоумение.

– А-а, – невнятно промычала я. – И что дальше?

– Дальше так: собирают родню, тех, кого в завещании упомянули, в доме почившего старца, всем сестрам по серьгам, и все такое прочее...

– Ну... так это хорошо, – подумав, изрекла я.

– Вот уж не знаю, – вздохнула Танька.

Чтоб она да чего-то не знала... Быть такого не может! Разумеется, я насторожилась.

– Витька поехать не сможет.

– Что так?

– Он в Англию улетает на три месяца.

– А как же свадьба? – забеспокоилась я.

– Да мы уже расписались, – отмахнулась Танька и, заметив мои выпученные глаза, пояснила: – Надеялись, что я смогу с ним отправиться, какое там... уперлись как бараны. Крохоборы хреновы, а еще фирма приличная. Скажи на милость, почему богатеи такие скупердяи?

– Потому что гладиолус, – напомнила я детскую присказку, сурово сдвинув брови. – Не отвлекайся.

– Ага. Короче, мы расписались, но я все равно не еду. А свадьбу сыграем, когда Витька вернется. Свадьба – это вообще несовременно. Набежит ватага родственников... тоска. У меня пока никаких идей.

– Можно сыграть свадьбу под водой, – сообщила я. – Все в аквалангах и...

– А пить как?

– Можно периодически выныривать.

Танька задумалась.

– В принципе, занятно. Надо будет с Витькой посоветоваться. Но ты же знаешь, он ужасно консервативен, просто удивительно, за что я его полюбила. – Эта мысль увлекла Таньку, и она на некоторое время замолчала, разглядывая ковер под ногами, что позволило мне его допылесосить. – Ладно, убирайся, – несколько неожиданно произнесла сестрица, направляясь к двери. – Не буду тебе мешать.

Мы поцеловались и даже успели проститься, но тут Танька хлопнула себя ладонью по лбу.

– Блин, совсем памяти нет. Я чего пришла-то...

– Чего?

– Того. – Танька вновь сбросила туфли и на сей раз устроилась на диване. – Витька наследство получил, надо ехать, а он не может. Оттого ехать придется мне.

Я кивнула, соглашаясь: с моей точки зрения, все логично.

– Ты совершенно свободна, – продолжила она. – Так что вполне можешь поехать со мной.

– Мне-то зачем? – удивилась я.

– Для поддержания во мне бодрости духа, – подняв вверх указательный палец, изрекла Танька. – Послушать Зинаиду Петровну, так меня там вполне могут скушать дорогие родственники.

В общем-то, и это меня не удивило. Если наследство приличное, действительно могут. Я о таких случаях читала. К примеру, у Агаты Кристи.

– Думаю, будет лучше, если с тобой поедет Зинаида Петровна. Она человек опытный, в смысле кого-либо скушать. И родню свою лучше знает.

– Это не ее родня, – вздохнула Танька. – Это родня ее мужа, почившего, как тебе известно, пять лет назад после долгой продолжительной болезни под названием алкоголизм. Зинаида Петровна родню мужа в принципе не жалуется, а тех, кто там намерен затусоваться, в особенности. Ее послушать,

все, как один, вору и разбойнику. Ехать наотрез отказалась, говорит, никакого наследства не надо.

Такая щедрость со стороны Танькиной свекрови, признаться, настораживала.

– Сама не едет, а тебя посылает.

– Наследство дядя оставил племянникам, следовательно, надо ехать Витьке, а уж коли нет у него такой возможности, значит, мне как законной, так сказать, супруге. Но одна я ехать побаиваюсь, оттого убедительная у меня к вам просьба, Ольга Александровна, поддержите сестру в трудную минуту.

– Далеко ехать? – нахмурилась я.

– В пригород.

– Что ты дурака валяешь? Возьми с собой Вальку, он адвокат, ложку мимо рта не пронесет.

– Ты не поняла. Дядю будут поминать исключительно родственники, для этого все на три дня приглашены в дом.

– Покойным?

– Одной из племянниц, которая с ним в этом доме жила. Похоже, у гражданки с головой проблемы: все в лучших английских традициях, и все такое. Оттого я и зову тебя с собой: как бы чего не вышло.

– То, что твоя Зинаида Петровна родню видеть не желает, – понятно. И то, что кто-то с удовольствием сыпанул бы ей в компот мышьяка, тоже удивления не вызывает.

– Помягче о родне, помягче, – попросила Танька, растянув рот до ушей.

– Однако, – продолжила я, – она слишком увлеклась своими фантазиями.

– Я бы решила так же, зная добрый нрав и незлобивый характер этой замечательной женщины, – вздохнула сестрица, – но тут есть нюансик. Дядя скончался не просто так.

– А как? – скривилась я.

– Отравили бедолагу. Именно это решили родственники.

– А милиция что решила? – поинтересовалась я.

– Не поверишь, но милиция практически с ними согласилась.

– Нельзя ли поконкретнее?

– Можно. Дядя умер от приступа удушья, ибо страдал аллергией, не помню на что. Короче, доброжелатель сыпанул старичку дряни, на которую у него аллергия. Это спровоцировало приступ удушья, в результате которого он и скончался.

– А такое правда бывает? – не очень-то поверила я. Оказалось, напрасно.

– Бывает, – совершенно серьезно кивнула Танька. – Он астматик, а аллергия была на двадцать одно наименование. Ты не поверишь, оказывается, можно укокошить человека, дав ему шоколад, если у человека на него аллергия.

– Он что, дурак – шоколад жрать, зная, что копыта отбросит? – разозлилась я, решив, что Танька морочит мне голову.

– Можно в коньяк сыпануть, разумеется размельчив перед этим. Или в кофе. Да куда угодно можно. Думаешь, болтаю?

Ничего подобного. Я вчера с Марком консультировалась, и он подтвердил: вполне.

Марк работал патологоанатомом, но особого доверия у меня не вызывал. Такого навыдумывает с серьезной миной и околонаучными терминами... Уши распустишь, подбородок отвалишь, потом чувствуешь себя дура душой.

– Он скажет, – пробормотала я, на что Танька резонно заметила:

– Иногда и он дело говорит. Короче, не знаю в деталях, что там, но, похоже, дедулю отравили. По крайней мере, менты там суетятся. А они, ты знаешь, просто так утруждать себя не любят. Выходит, если дело не темное, то и не совсем светлое. А так как, по словам Зинаиды Петровны, там все, как один, отравители, отправляться я туда опасаясь.

– Так, может, и не стоит? – внесла я, на мой взгляд, здоровое предложение.

Сестрица скривилась:

– Интересно же. Что оставил, да и вообще...

– Это конечно, – вынуждена была согласиться я.

– Поедешь? – спросила Танька с надеждой.

– Само собой, – кивнула я. Конечно, у меня были другие планы, но сестры для того и существуют... чтобы портить жизнь и не давать расслабиться. – Когда? – спросила я, очень надеясь, что ехать придется не скоро, а там, глядишь, все как-нибудь утрясется и ехать вообще не понадобится.

– Сегодня, – ответила Танька, убив мою мечту в зароды-

ше.

– Почему сегодня? – шмыгнув носом, поинтересовалась я.

– Потому что время икс наступает сегодня. Адвокат прочтет нам завещание.

– Сегодня вполне мог поехать твой Витька.

– Ты мне сестра или кто? – разгневалась Танька.

– Я практически готова, – поспешно сообщила я.

Но сразу мы, конечно, не поехали. Попили чаю, поговорили о свадьбе. Мысль праздновать ее под водой Таньку увлекла, и я забеспокоилась. Оно бы и ничего, пусть бы ныряли на здоровье, но ведь избежать приглашения мне не удастся, и если для папы с мамой возможны поблажки, то для меня... Когда сестра умная, а у тебя самой мозгов самую малость, лучше так не шутить.

– А можно столы накрыть где-нибудь в парке, а приземлиться на парашюте, – озарило сестрицу. – А что? Выглядит. Как считаешь?

– Думаю, в парке приземляться не очень удобно, можно зацепиться за дерево. А вообще мысль. Гости тоже будут прыгать?

– Конечно.

– Тогда достаточно накрыть маленький столик, и затрат практически никаких. Небольшой оркестр, который сыграет Мендельсона и, если понадобится, Шопена.

– А еще лучше приземлиться на крышу, – озарило Таньку. – И там столы накрыть. Супер.

– Тогда Мендельсона не надо, один Шопен.

– Почему?

– Зачем понапрасну инструменты истязать?

Танька выдала еще несколько гениальных мыслей, чему я не препятствовала, увлечется, и мы, возможно, никуда сегодня не поедем. Но тут сестрица взглянула на часы, бойко вскочила и гаркнула:

– Погнали.

– Как считаешь, мне понадобятся какие-нибудь вещи? – подала я голос.

– Ага, – кивнула Танька. – Собери что-нибудь... и мне прихвати самое необходимое. Я о вещах не подумала, а едем все же на три дня.

Я, не особенно торопясь, собрала сумку, уже не веря, что удастся избежать поездки, и мы покинули квартиру.

День был восхитительным, солнце светило, завтра обещали двадцать пять градусов, и у меня, конечно, были планы... Я тихо вздохнула, боясь, что Танька услышит и уличит меня в отсутствии сестринских чувств.

Возле подъезда стояла «Альфа-Ромео», принадлежащая Витьке. На ней вот уже полгода ездила сестра. Я тоже мечтала о машине, сгодились бы и старенькие «Жигули», но пока и на них денег не хватало, а занимать я не люблю. Как известно, берешь чужие, а отдаешь всегда свои. Однако, когда Танька возила меня на своей машине, сердце мое переполнялось гордостью и восторгом.

– Красавица, – не удержавшись, прошептала я.

– Кто? – наострила уши Танька.

– Машина.

– А-а... мне «тэтэшка» больше нравится. Вот если отвалят нам наследство, куплю себе «аудиоху», Витьке «Хаммер», а тебе эту подарю.

– Зачем Витьке «Хаммер», он и на этой ездить боится.

– Может, на «Хаммере» бояться перестанет. Все-таки ты всех давишь, а не тебя. Как думаешь?

– Витьке лучше ездить на велике и по тротуару.

– Согласна, – кивнула Танька, которая трезво оценивала шансы возлюбленного.

Она плюхнулась на сиденье, завела мотор и сразу же закурила. Курить она себе позволяла даже в присутствии родителей, которые являлись сторонниками здорового образа жизни.

– Курить – здоровью вредить, – пискнула я, не особенно надеясь, что мои слова произведут впечатление. «Таня лучше знает, что делать со своим здоровьем», – ответила мама и на следующий день купила пепельницу. На этом моя борьба с вредными привычками сестры закончилась. Табачный дым я не выносила, но так как Таньке было на это наплевать, просто открыла окно.

– Поехали, – кивнула она, а я пристегнула ремни, в машине с сестрой, как в самолете, правилами лучше не пренебрегать.

Через пять минут я вжалась в кресло, через десять зажмурилась, но потом пообвыкла и стала смотреть на мир с оптимизмом.

– Слушай, – нарушила молчание Танька. – Надо бы венок купить.

Я от неожиданности поперхнулась, но через минуту смогла спросить:

– Зачем?

– Ну, вроде к покойнику едем.

– Ты ведь говорила, что будут и живые.

– Точно. Но дядька-то помер, и тут без венка никак.

– Его похоронили?

– Само собой.

– Тогда какой венок? Давай купим цветов.

– Спятила? У него что, день рождения?

– Я уважаю твой ум, но могилы посещают с цветами, а не с венком.

– Ты уверена? – нахмурилась сестра.

– Абсолютно.

– Тогда ладно. Но венок как-то солиднее, сразу видно, что мы скорбим и для покойника денег не жалеем.

– Если мы приедем в дом с венком в руках, то будем выглядеть по-дурацки, – упрямылась я

– Не пижонь. Надо выглядеть естественно, – не унималась Танька. Я хотела спросить, что она имела в виду, но быстро одумалась.

– Венок так венок, – вздохнула я.

Хотя сестрица и сказала, что едем мы в пригород, данное утверждение было не совсем верно. Мы миновали стелу с названием нашего славного города, далее начинались садовые участки, и я с тоской подумала: а что, если в наследство Витька получит один из этих теремов за окном? Не видать Витьке «Хаммера», а мне «Альфа-Ромео». Я вздохнула, но голос подать не решилась.

Тут Танька свернула, но ясности это не внесло, потому что в той стороне никакого пригорода тоже не было. Справа возник хлебозавод, потом еще какие-то сооружения, а сестрица произнесла:

– Надо было через мост ехать, получилось бы ближе.

– А куда едем? – не выдержала я.

– В Дубровку.

Назвать Дубровку пригородом могла только Танька, село находилось километрах в двадцати от города. Но место это облюбовали люди не бедные, и я вновь взглянула на машину с вожделением. Правда, тут же себя одернула. Богатые люди жили возле озера в заповедной зоне (почему в заповедной, вопрос не ко мне, а к нашему губернатору). Сам поселок был довольно большим, в нем даже фабрика имелась. Соответственно жили там и люди небогатые, и дома тоже были разные. Наследством может оказаться деревянная избушка с палисадником и козой на привязи. Травить дядю из-за тако-

го счастья, на мой взгляд, неразумно, но о вкусах не спорят.

За окном мелькнуло кладбище, затем указатель «Дубровка». Только я с облегчением подумала: «Как хорошо, что Танька о венке забыла», как она резко затормозила, а взгляд мой уперся в кирпичную коробку с надписью «Ритуальные услуги».

– О, – удовлетворенно кивнула сестра. – На ловца и зверь.

Мы вышли из машины и направились к дубовой двери, гостеприимно распахнутой. Толстая тетка сидела за стойкой. По тому, как радостно она вскочила, увидев нас, стало ясно: народ здесь жил крепкий и хоронили, должно быть, редко.

– Здравствуйте, – запричитала она. – Чем интересуетесь?

– Да нам бы это... венки, – после непродолжительной душевной борьбы изрекла Танька. Я закатила глаза и отошла к окну. На соседней кирпичной коробке красовалась надпись: «Бар». Напротив весело подмигивала полуголая девица на фасаде, вокруг ее головы поблескивали буквы.

– Кафе «Версаль», – прочитала я и вздохнула.

– Венки у нас свежие, – суетилась тетка. – Вот, посмотрите...

В углу стоял необъятных размеров венок, искусственные цветы по полю из лапника.

– Иголки будут по всей машине, – прошипела я, в мечтах успев увидеть «Альфа-Ромео» своей. О том, как мы появимся на людях с этим страшилищем, даже думать не хотелось.

– Великоват, – задумчиво изрекла Танька.

– А вот, смотрите, – заскользила тетка вдоль стены, рекламируя свой товар. Я напредила себе, что спасение утопающих дело рук их самих, и решительно шагнула вперед.

– А есть у вас что-нибудь натуральное?

– Вот елочки, посмотрите. На любой могилке смотрятся прекрасно.

– Может быть лучше цветы?

– И цветы есть.

Тетка метнулась в соседнее помещение, куда вела арка, и тут же возникла с розами из белой бумаги, сплетенными в венок.

– Живых цветов нет? – загрустила Танька, пытаясь сделать нелегкий выбор между елками и бумажным шедевром.

– Живых не держим. Вянут быстро. А этот до зимы пролежит, а может, и больше. И не украдут, если чем-нибудь к памятнику прикрутите. А в живых цветах какой толк? Раз – и нет их. Берите, не пожалеете.

Тетка так проникновенно улыбалась, с мольбой протягивая руку с веночком, что Танькино сердце дрогнуло.

– Давайте, – вяло согласилась она, а я порадовалась: эту гадость можно незаметно выкинуть, все лучше, чем страшнелище в углу.

Мы расплатились. Слегка раздосадованная Танька не придумала ничего лучшего, как водрузить венок себе на голову, и спросила:

– Ну, как я тебе?

– «Весна» Боттичелли.

– Не выражайся. Уж если ты младшая, будь добра относиться к сестре с уважением.

– Боттичелли – это итальянский художник, – начала оправдываться я.

– Чем у тебя только голова забита? – посетовала Танька, сняла венок, повертела его в руках и вздохнула: – Убожество и никакого художества. В приличный дом с ним могут и не пустить.

– Надо было купить букет...

– Ну нет здесь цветов, нет... – Тут сестра замерла, приоткрыв рот, а я пожала плечами. Метрах в десяти от нас в тенечке сидели старушки в количестве четырех человек и торговали розами. Цветочки были как на подбор и радовали глаз разнообразием оттенков. – Вот видишь, и никаких проблем, – обрадовалась Танька и зашагала к старушкам. Мы немного поперерекались на тему, четное или нечетное количество роз следует покупать. Старушки внесли в наш спор ясность, мы обзавелись букетом и направились к машине.

Вдруг раздался душераздирающий треск, который стремительно приближался, и через мгновение в облаке пыли очам нашим предстала шестерка затянутых в кожу мужчин на мотоциклах. Бог знает откуда их принесло. Но они вознамерились остановиться возле бара, что и сделали, а наш путь как раз пролегал мимо.

Шестерка выглядела колоритно. Черные кожаные штаны

и рубахи в двадцатипятиградусную жару сами по себе впечатляют, прибавьте высоченные сапоги с заклепками и прочую атрибутику, а теперь вообразите, какой от этой кавалькады шел запах, если учесть, что пиво ребята уважали, а баню, скорее всего, нет. Романист назвал бы это крепким мужским духом, Танька выразилась проще:

– Господи, воняет-то как.

Густая растительность на головах мужчин была собрана в хвосты и косы (шлемами, естественно, пренебрегали), нижнюю часть лица скрывали банданы, должно быть, парни боялись задохнуться от пыли, а может, и от собственного запаха. Банданы были разноцветными, но имели одну общую особенность: все невероятно грязные.

Когда в трех шагах от тебя оказываются подобные типы – это всегда тревожит, но особых пакостей от судьбы я все-таки не ждала, место хоть и малолюдное, но обитаемое, и старушки, скорее всего, в обиду не дадут, а до машины всего ничего.

В общем, я с избытком оптимизма двигала вперед. Оптимизму особо способствовал тот факт, что ближайший ко мне парень стянул бандану с лица, и тут выяснилось, что он не юное прыщавое создание, а мужчина лет тридцати. В таком возрасте, по моим представлениям, у людей в голове начинают преобладать здравые мысли и к кому попало на улицах цепляться лень.

Мотоциклы у всех выглядели роскошно, несмотря на

пыль, и я решила, что прибывшие абсолютно не опасны для юных красавиц. Остальные пятеро тоже стянули банданы, выглядели они моложе первого, но тоже вполне сносно. Ну тут один из них протяжно свистнул, после чего воскликнул:

– Какие девочки!

Второй тут же подхватил:

– Ангелочек, давай подружмся.

Третий заблеял:

– Красотка, познакомь меня с подружкой.

«Нормальные придурки», – решила я, стараясь смотреть в сторону. Мотоциклы они не покинули, а расстояние до машины еще сократилось.

– Привет механизаторам, – весело ответила Танька. Этого ей показалось мало, и она продолжила: – Как колхоз? Продолжаем разваливать?

– Я чего-то не понял, – вновь заблеял парень, глядя на друзей, как будто всерьез рассчитывал, что те начнут что-то объяснять.

– Попробуй со второй попытки, – предложила сестрица.

– Может, тебе по башке дать? – в свою очередь предложил парень. Я пихнула Таньку в бок, предлагая заткнуться, но она была далека от этого.

– Лучше дружку по яйцам.

Я тихо застонала, парни возвысили голос, причем сразу пятеро, а Танька сделала неприличный жест, демонстрируя свое отношение к чужому возмущению.

Ближайший к нам парень лихо спрыгнул с мотоцикла, а я подумала: «Зря родители считают Таньку умной». Но вдруг вмешался мужчина постарше.

– Угомонись, Чума, – добродушно буркнул он. Скорее всего, Чума – прозвище парня, такие типы обожают дурацкие прозвища, но радоваться я не спешила. Определение «чума» очень подходило и моей сестрице, то есть он мог иметь в виду, что ей стоит вести себя спокойнее, с чем я не могла не согласиться.

Молодой человек повернулся к нему с сожалением во взгляде, и стало ясно, что Чума – это все-таки он.

– Надо бы научить ее хорошим манерам, – заметил он.

Мужчина поморщился и повторил:

– Угомонись.

Только я хотела порадоваться его здравомыслию, как поняла причину такой доброты: на дороге появилась милицеевская машина и плавно затормозила прямо возле нас. Чума оседлал свой мотоцикл, а из машины вышел усатый дядька и хмуро спросил:

– Все неприятности ищем?

Я опять-таки подумала, что это могло относиться к сестрице, однако вожак байкеров принял это на свой счет.

– Что ты, Сергеич, просто с девушками знакомимся.

– Разбежался, козел, – ответила неугомонная Танька, но мне уже было все равно, потому что я достигла «Альфа-Ромео» и даже устроилась в кабине.

– Тебе никто не говорил, что везение не бывает бесконечным? – спросила я, когда Танька плюхнулась рядом.

– Чтобы я каких-то уродов боялась? – презрительно фыркнула она.

– Бояться и нарываться – два совершенно разных глагола.

– Да ладно, – отмахнулась сестрица и завела мотор.

Милиционер продолжал о чем-то говорить с парнями, что меня порадовало, но все равно хотелось оказаться как можно дальше от этого места.

Через пять минут мы въехали на главную улицу поселка, и я смогла вздохнуть с облегчением. Танька двигала малой скоростью, присматриваясь к табличкам на домах.

– Название улицы видишь?

– А какая улица нам нужна?

– Озерная.

– Эта Первомайская.

– Да. А где Озерная?

– Откуда я знаю?

– Не занудствуй, – осадила меня сестрица. – Пожалуй, лучше спросить.

Навстречу нам шла женщина с детской коляской. Танька притормозила, а я спросила, открыв окно:

– Не подскажете, как проехать к Озерной?

– Вам вернуться надо, – ответила женщина. – На перекрестке свернете к лесу. Там указатель есть.

Танька лихо развернулась, а я понадеялась, что, возвра-

щаяся, парней на мотоциклах мы не встретим. Дорога была пуста, мы свернули, табличка появилась только через километр. Стандартный указатель с надписью «ул. Озерная» и стрелка. Дорога здесь была узкой, но очень живописной, слева березки, справа начинался хвойный лес.

Навстречу нам попался джип, выглядевший здесь как-то очень солидно. За поворотом дорога расширилась, и впереди мы увидели озеро. Следовало признать, места здесь действительно красивые, заповедные. Ближайший дом по улице Озерной был под стать этим заповедным местам, не дом, а замок Синей Бороды. Не успели мы прийти в себя от эдакого великолепия, как возник второй дом, мы приоткрыли рот от изумления и далее его не закрывали, только успевали поглядывать на таблички, чтобы не пропустить нужный нам дом.

Дорога шла вдоль озера. Мы окончательно обалдели от окружавшего нас великолепия, слева возник очередной замок под номером одиннадцать, дорога пошла в гору, в сторону от пляжа, и на холме нашим очам предстал нужный нам тринадцатый дом. Две башни из серого камня, широкое крыльцо с вазонами. Не скажу, что он был самым впечатляющим из всех увиденных (тут голова шла кругом, сразу и не выберешь, какой из домов я бы предпочла для жительства, если бы меня угораздило родиться миллионершей), но проникнуться мы смогли, а Танька так даже выронила сигарету на коврик.

– Ни хрена себе, – пробормотала она и облизнулась.

– Осторожно, – кашлянула я, имея в виду сигарету, но сестрица отмахнулась:

– Да фиг с ней.

Однако я вновь начала смотреть на «Альфа-Ромео» с вождением, поэтому поспешила избавиться от сигареты. Может, и вправду Витьке что-то отколется, а мне, соответственно, повезет? Танька слов на ветер не бросала, и, если заполучит «Ауди», я буду раскатывать на ее красавице.

– В гараже такого дома вполне может стоять «Хаммер», – изрекла я, с трудом справившись с одолевавшими меня корыстными мыслями.

– Ага, – промычала Танька. – Это точно тринадцатый?

– Ну... вон табличка.

Танька заглушила мотор, должно быть, ей тоже требовалось время, чтобы привести свои чувства в порядок, а я порадовалась данному обстоятельству: мне хотелось кое-что уточнить.

– Слушай, а кто он вообще – этот дядя?

– Покойник, – ответила сестрица.

– Это я помню. А кем был до того, как им стал?

– Понятия не имею.

– Что по этому поводу говорит Зинаида Петровна?

– Что он жулик, вор и кровопийца.

– Слишком обобщенно. И ничего поконкретнее?

– Еще он коллекционер.

Тут Танька уставилась на меня, а я на нее, после чего она

невнятно чертыхнулась, а я возмутилась:

– Фамилия у дяди есть?

– Была. Костолевский Лев Вениаминович. Ты о нем что-нибудь знаешь?

Я пошарила в памяти. Фамилию такую я вроде бы слышала, но ничего конкретно вспомнить не могла. Пришлось пожать плечами.

Тут надо пояснить, что последним местом моей работы был роскошный антикварный салон на Рождественской (центр города, старинные особняки, арендная плата зашкаливает, а мой работодатель умудрился оттяпать триста двадцать квадратных метров в собственность. Представляете, что это за тип?). В салоне я совмещала ряд должностей, точнее будет сказать, все должности, за исключением уборщиц и директора (им был сам хозяин), проводила там двенадцать часов в сутки и от обилия высокого искусства впадала в прогрессирующий столбняк. На самом-то деле не от искусства, а от хозяина, жмота, негодяя и бабника, который искренне верил, что к своим многочисленным обязанностям я должна прибавить еще одну: убажывать его на кожаном диване в стиле русский модерн, который украшал его кабинет. Так далеко моя любовь к искусству не заходила, и мы простились, после чего я поклялась, что мои пути с антиквариатом более никогда не пересекутся. И вот – нате вам.

Впрочем, все не так и скверно. Оценим наследство по достоинству и не позволим запудрить мозги Витьке. Должно

быть, такие мысли озарили и Таньку, потому что она про-
бормотала:

– Как хорошо, что ты поехала со мной. Тут один дом на пол-«лимона», как считаешь?

– Учитывая местоположение, близость от областного центра, высокохудожественность, а также красоты природы, очень может быть... что и больше.

– А если учесть, что он еще и коллекционер... Ой, мама, как я вовремя замуж вышла.

Тут другая мысль посетила меня и заставила нахмуриться.

– А много ли наследников?

– Откуда я знаю?

– Но что-нибудь ты знаешь или пыталась узнать?

– Если честно, не очень-то я ломала над этим голову. Теперь, конечно, понимаю, что не помешало бы.

– Что, вообще ничего не знаешь? – не поверила я. Конечно, Танька у нас в семье самая умная, но не до такой же степени?

– Ну... дядю отравили. Он вроде бы коллекционер. Нет, точно коллекционер. Был женат, жена давно умерла. Святая была женщина, это Зинаида Петровна утверждает и настаивает на том, что родственники – кровопийцы и воры – ее уморили. Детей нет, оттого наследство отходит племянникам, потому что сестер-братьев, которых вроде бы немало, покойный терпеть не мог.

– Ты вот что, – вздохнула я. – Не торопись сообщать род-

не, что ты законная Витькина жена, лучше скажи, что вы помолвлены.

– Так они меня на порог не пустят. А почему не торопиться?

– Если в этом семействе такие нравы...

– Думаешь, могут отравить?

– Но ведь дядю отравили? Или это Зинаида Петровна выдумала?

– Дама она с фантазией... но направление твоих мыслей я улавливаю. Если я не жена, то травить меня дело зряшное. Так?

– Так. Вообще травить следует Витьку, пока он не успел жениться. Или уж вместе с супругой.

– Мы о браке помалкивали, и слава богу. Похожу в невестах. Ольга, ты меня нарочно пугаешь или у тебя, как и у меня, от этого домика мороз по коже?

– Присутствует.

– Н-да, – протянула Танька, продолжая разглядывать дом.

На самом деле ничего зловещего в нем не было. Выглядел он вполне симпатично. Два этажа плюс мансарда, но огромным дом не казался, скорее уютным. Перед домом лужайка, ярко-зеленая и ухоженная, стригли траву не реже двух раз в неделю.

Лес начинался прямо за домом. Забор, колючая проволока и прочая атрибутика богатой жизни отсутствовали. Правда, оставались еще минные поля, но я в них все же не верила.

– Ты говорила, он с племянницей жил?

– Ага. Она и звонила.

– Неплохо бы сейчас ей позвонить, сообщить, чтобы встречала нас с оркестром.

– Чего время тянуть? – вздохнула Танька. – Едем. На месте разберемся.

Я пожалала плечами, все еще продолжая сомневаться, а Танька завела машину, и мы начали подъем на холм.

При ближайшем рассмотрении дом становился меньше похожим на замок и больше на сказочный домик. Башни теперь выглядели скорее кокетливо, чем грозно. Если это и замок, то из мультика. Обилие цветов вокруг только подчеркивало сказочную атмосферу. Я всерьез ожидала, что из-за ближайшего куста появится олененок, а еще лучше гном...

И он появился.

Из-за угла вывернул человечек, которого я поначалу приняла за ребенка. Он был в оранжевом комбинезоне и в клетчатой рубашке. Темные, очень жесткие волосы торчали в разные стороны, чувствовалось, что никакая расческа с ними не справится. Ростом человечек был со стул, что и позволило предположить, что это дитя шести-семи лет. Однако нечто в его облике настораживало: некая неправильность, если угодно, а еще сигара, которую он держал в левой руке, с удовольствием посасывая.

– Господи, это что такое? – не выдержала Танька, от удивления едва не выпустив руль, и добавила ворчливо: – Дети

совершенно обнаглели.

Она затормозила в начале гравийной дорожки, на которую свернула с асфальта, и в нерешительности остановилась.

Дитя заковыляло к нам, и тут окончательно прояснились несуразности в его внешности. Человек оказался взрослым мужчиной, только карликом. Но это отнюдь не успокоило, потому что карлики у нас еще бо́льшая редкость, чем дымящие сигарой карапузы. Я почувствовала себя Алисой, сунувшей свой нос в лисью нору, и даже подумала: «Начинается...» Впоследствии оказалось, что в тот момент я была даже очень права.

Карлик, уперев руки в бока, наблюдал, как мы выходим из машины. Он ухмыльнулся довольно зловеще и спросил:

– Любите мертвечину?

– Что? – не поняла Танька и даже растерялась, чего за ней отродясь не водилось.

– Воронье слетается, – хихикнул карлик, сунул сигару в рот и забурчал: – Мертвечины будет много.

– Ах ты, гаденыш! – рявкнула Танька, метнувшись к карлику, и попыталась ухватить его за лямку комбинезона. Он ловко вывернулся и оказался за моей спиной. – Держи гада! – заорала сестрица, в которой проснулся охотничий азарт.

– Оставь его в покое, – посоветовала я и с улыбкой повернулась к нему. Все-таки выглядел он уморительно, но вряд ли испытывал от этого удовольствие.

– А ты здесь зачем, принцесса? – весело спросил он.

– Сама не знаю. Но мне здесь нравится.

– Правда? Чертово местечко.

– Потом расскажешь, если захочешь. Мы могли бы подружиться, как считаешь?

Он церемонно поклонился, сделав шаг в сторону.

– Рад вам служить, принцесса.

– С радостью принимаю вашу дружбу, сэ, – ответила я, присев в поклоне.

– Мне еще не доводилось видеть девушку столь ослепительной красоты.

– Вы заставляете меня краснеть.

– А вы меня беспокоить. Доброй принцессе здесь не место. Будьте осторожны.

– Обязательно. Я могу рассчитывать на вашу помощь?

– В любое время дня и ночи. И помните, ровно в полночь все, что вы здесь видите, превращается...

– Проклятый урод, – услышала я визгливый голос и от неожиданности вздрогнула.

Карлик, ковыляя, припустился к кустам, весело крича:

– Карета в тыкву, кучер в крысу, а добропорядочные граждане в упырей и оборотней!

– Чтоб ты себе шею свернул, – неслоь ему вслед.

Я повернулась и увидела женщину лет тридцати пяти, полную, невысокую, в льняном сарафане с вышитым петухом на подоле, ее волосы были заплетены в две косы. Вздернутый нос, узкие губы, губная помада морковного цвета, ко-

торая ей совершенно не шла, светлые глаза поглядывали настороженно. Она быстро оглядела нас с ног до головы и без всякого намека на любезность спросила:

– Что вы хотите? Здесь частные владения...

– Мы ищем дом номер тринадцать по Озерной улице, – сурово ответила Танька, приглядываясь к женщине. – Ведь это тринадцатый дом?

– Да... – Теперь в голосе женщины послышалось недоумение.

– Мы представляем интересы Костолевского Виктора Игоревича. Я его невеста Татьяна Ларина. Это моя сестра Ольга. – Женщина нахмурилась, с подозрением глядя на нас. – У меня есть доверенность. – Танька полезла в сумку, а женщина вроде бы очнулась.

– Что вы, что вы, я вам верю. Вы действительно Ларины, Татьяна и Ольга? – Она улыбнулась, а я сообразила, что ее недоверие скорее всего относилось к нашим именам. – Зинаида Петровна звонила мне. Очень рада вас видеть. Ирина Константиновна. Можно просто Ира. Я жила в этом доме, то есть и сейчас живу. Покойный Лев Вениаминович мой дядя. Идемте в дом. Почти все в сборе.

Подходя к дому, я увидела за кустами стоянку, забитую машинами, все как на подбор иномарки, причем не из дешевых.

– Автомобиль лучше перегнать туда, – сказала Ирина.

Танька вернулась к машине. Мы ждали ее возле крыльца.

Я сочла момент подходящим, чтобы кое-что выяснить.

– Гостей в доме много?

– Гостей? А-а... Нет, только племянники. Лев Вениаминович рассорился со всей родней, отношения с племянниками не поддерживал, но когда понадобилось написать завещание... Как он шутил – «из двух зол выбирают меньшее», оттого и завещал все племянникам. У дяди был тяжелый характер, – вздохнула она. – Я прожила с ним много лет и лучше других знаю об этом.

– Много лет? – повторила я, желая продолжить разговор.

– Да. Мои родители погибли, когда я только-только пошла в школу. Лев Вениаминович брат моей матери, другой родни у меня не было. Вот так я и оказалась здесь. – Она тяжело вздохнула, должно быть, воспоминания детства ее отнюдь не радовали.

– А этот карлик, кто он?

Ирина нахмурилась.

– Сосед, то есть это брат поварихи в доме Алиевых. Живет в поселке. Злобное, мерзкое существо, которое везде сует свой нос. Впрочем, понятно: с чего бы ему быть добрым. Лев Вениаминович по неизвестной причине очень к нему благоволил. У людей искусства бывают довольно странные фантазии. После того что случилось, Леопольд бродит возле дома, все что-то вынюхивает.

– Леопольд его настоящее имя?

– Представьте, да. Ничего нелепее и придумать невозмож-

но.

К нам присоединилась Танька, и интересную беседу пришлось прервать. По широкой лестнице мы поднялись к наполовину застекленным дверям. Они бы органично смотрелись где-нибудь в Америке, но в российской глубинке выглядели довольно нелепо. Наши люди предпочитают дубовые двери, а если учесть, что покойный Костолевский был коллекционером, выбор и вовсе странный. Мы оказались в просторном холле, который украшали четыре колонны и две огромные китайские вазы в нишах.

– Простите, я не ожидала, что вы приедете вдвоем... – сказала Ирина. – Вам придется пожить в одной комнате.

– Не привыкать, – кивнула Танька, увиденное ей явно понравилось, и мне тоже. Знать бы еще, сколько у дяди племянников, то есть на сколько частей все это надо поделить.

– Я хочу показать вашу комнату, чтобы вы могли умыться с дороги. А потом представлю вас остальным. Надеюсь, Андрей вот-вот подъедет и мы сможем сесть ужинать.

Комната располагалась на первом этаже, в левой башне. Полукруглое окно делало ее романтичной и уютной, вид из окна открывался великолепный. Обстановка комнаты самая простая: шкаф, кровать, диван, два кресла, низкий стол, зеркало в нише над консолью, которую можно было использовать в качестве туалетного столика. Белый тюль с красной каймой на окне и ярко-красное покрывало на кровати.

– В шкафу еще комплект постельного белья и дополни-

тельные одеяла, – сообщила Ирина. – Туалет рядом, там же душевая кабина. Внизу ночевать будете только вы, так что никаких проблем. Располагайтесь, я зайду за вами минут через пятнадцать.

– Ну, как тебе? – спросила Танька, упав на кровать и немного попрыгав на ней.

– Пол-«лимона» как минимум, – удовлетворенно кивнула я. – Место изумительное, а дом как раз в духе «новых русских». Строительство здесь все-таки запретили, так что каждый дом на вес золота. Даже развалюха в поселке и то обойдется в несколько десятков тысяч долларов, а здесь такой дом. – Болтая, я разбирала сумку, Танька слушала, утвердительно кивая.

– А атмосфера? – спросила она, когда я закончила радоваться Витькиному везению.

– Что атмосфера?

– Карлик этот? Что он там болтал насчет мертвечины?

– Ирина сказала, что он вроде бы дружил с покойным, а покойному, как тебе известно, помогли перебраться в мир иной. Сегодня съезжаются наследники. Вот тебе и стервятники, а где стервятники, там и мертвечина. Сплошная аллегория.

– Да? Хорошо, если так. Что-то мне не по себе в доме за пол-«лимона» баксов.

– Как минимум пол-«лимона», – заметила я, уверенная, что сие придаст Таньке бодрости.

– Ага. И дядю действительно кокнули. Так что нам не мешает соблюдать осторожность. С невестой это ты хорошо придумала.

Я закончила разбирать сумку, и мы отправились взглянуть на места общего пользования. Планировка дома, по крайней мере первого этажа, произвела на нас самое благоприятное впечатление. Дом не был особенно огромным, скорее очень уютным. Вкус у покойного дяди был отменный. В коридоре висело несколько картин в дорогих рамах. Танька восторженно метнулась к ним, но я охладила ее пыл:

– Это копии. Кстати, вполне приличные.

– Да? А где оригиналы?

– В сейфах компании «Медиум», – сообщила Ирина, внезапно появившаяся из ближайшей двери. – Дядя не хранил здесь ничего особенно ценного, считал, что не стоит искушать судьбу. Коллекция требует особых мер безопасности, а у нас, как вы видели, даже забора нет. К достижениям техники дядя тоже относился с прохладцей. Здесь нет ни видеокамер, ни сигнализации. Дядя не любил покидать дом, а уж ночевать вне дома точно терпеть не мог. Если вы готовы, мы можем пройти в гостиную.

Гостиная представляла собой комнату метров сорок с роскошным камином, зеркалом в золоченой раме с амурами, колонны на входе, потолок с лепниной и стены расписаны вполне приличным художником. Гирлянды цветов, купидоны, вазоны, рог изобилия и прочее, прочее...

Два комплекта мягкой мебели из белой кожи, легкие шторы на полукруглом окне, паркет вишневого цвета, два шелковых ковра на нем, чья стоимость, скорее всего, тоже впечатляла, в двух углах витрины со статуэтками из фарфора. Все это напоминало парадный зал какого-нибудь дворца. Плоский экран «Сони» на стене с новейшей стереосистемой выпадал из общего стиля, но, на мой взгляд, гостиную отнюдь не портил.

Занятая разглядыванием комнаты, я не сразу обратила внимание на людей, что собрались здесь, а они между тем того заслуживали.

– Знакомьтесь, – громко сказала Ирина и почему-то тяжело вздохнула, точно вынуждена была сообщить нечто неприятное. – Это Татьяна, невеста Виктора. А это ее сестра Ольга. – Она сделала паузу и развела руками. – Прошу любить и жаловать.

Любить и жаловать нас здесь никто не собирался.

– Почему бы Витьке самому не приехать? – презрительно заметила рослая блондинка с капризным лицом. Лицо можно было бы назвать вполне симпатичным, если бы глаза не смотрели так зло.

«Стерва», – мысленно охарактеризовала ее я.

– Он уезжает в Англию, – кашлянув, ответила Танька.

– Сегодня?

– Нет.

– Значит, не удостоил. Тебя прислал. Ну-ну...

– По-моему, вполне дальновидно, – фыркнул мужчина лет тридцати. Он сидел, развалясь, в кресле, светлые брюки и трикотажная рубашка подчеркивали телеса, которыми его наградила природа, хотя скорее это было следствием неумеренного аппетита.

– Что ты имеешь в виду? – повернулась к нему блондинка.

– То, что Витька не дурак, знал, что здесь все перегрызутся, вот и предпочел отправить вместо себя любимую девушку. Я называю это дальновидным поступком, а ты?

– Лично я грызться ни с кем не собираюсь, – спокойно сказала дама, сидящая у камина.

Поначалу я решила, что ей лет двадцать семь, но, приглядевшись, поняла, что гораздо больше. Очень эффектная, с умело наложенным макияжем, прекрасной фигурой. Это я смогла оценить, когда она, поднявшись, пошла к нам навстречу.

– Мария, – представилась она, протягивая руку сначала мне, а потом Таньке. – Я сестра Виктора. Двоюродная, разумеется. Мы здесь все двоюродные. И не обращайтесь внимания на Антона, – кивнула она на толстяка. – К его шуточкам надо привыкнуть. Я, правда, так и не привыкла, меня по-прежнему тошнит от его глупостей.

– Ах, ах, ах, – передразнил Антон и тоже пошел к нам навстречу, Таньке кивнул, а мне поцеловал руку. – Заполучить в родственницы такую красотку просто счастье.

– Идиот, – прокомментировала Мария.

– Машка обожает строить из себя леди, – усмехнулся он. –

Выросла в коммуналке, и снобизм у нее в крови.

– А ты вырос на помойке, до сих пор смердит.

– Привыкайте, – засмеялся Антон, обращаясь к нам. – Мы тут все друг друга очень любим.

– Прекратите, в самом деле, – устало попросил мужчина, сидящий в кресле возле окна. – Что о нас люди подумают?

– Это Егор, – сказала Ирина, он помахал нам рукой в знак приветствия. – А это Виталий, муж Маши.

Признаться, это сообщение меня удивило. Более нелепой пары и представить было трудно. Виталий – существо невзрачное, я бы даже сказала, безликое, сидел как-то ссутулившись и на окружающих, похоже, реагировал мало, на нас точно внимания не обратил. Тщедушный, он вряд ли доставал жене до подбородка, его длинные волосы были зачесаны назад в тщетном стремлении замаскировать лысину. Но, несмотря на лысину, он выглядел моложе жены. Очки в золотой оправе, приличный костюм. Должно быть, бизнесмен или подающий надежды чиновник. Иначе невозможно понять, чем он мог привлечь Марию. «Скорее все-таки он чиновник», – решила я. Танька хмуро разглядывала свою будущую родню, не желая скрывать эмоций.

– Примерно так я себе это и представляла, – произнесла она вслух, хотя могла бы и помолчать.

– Не нравится? – подняла брови блондинка.

– Если честно, не очень, – ответила сестрица.

Антон захохотал, Ирина растерянно ахнула, остальные безмолвствовали. Тут Ирина пришла в себя и затараторила, стараясь скрыть неловкость:

– Это наша Верочка, дочка тети Ани. Витя вам, наверное, рассказывал? Маша дочка Петра Вениаминовича, Антон сын Аркадия Вениаминовича...

– Это девушкам неинтересно, – перебил ее Антон.

– Почему же? – возразила я.

– Воспитанность здесь демонстрировать необязательно. Наши родители друг друга не жаловали и терпеть не могли покойного. Кстати, было за что. К нам «добрые» чувства перешли по наследству.

Егор, симпатичный мужчина, старше всех собравшихся, невольно поморщился. Выглядел он очень респектабельно.

– Егор у нас политик, – тут же переключился на него Антон. – Оттого любит наводить тень на плетень. Все должно быть благопристойно, это наше главное кредо.

– Ты о своем кредо подумай, алкаш несчастный, – взъелась блондинка.

– А где, кстати, Андрей? – ничуть не обидевшись, спросил Антон. – Или такие мелочи, как наследство, нас не интересуют?

– Рассчитываешь на чужую долю? – съязвила Верочка.

– Если она будет... Моя маменька утверждает, что ждать добра от покойника – дело бесперспективное.

Дверь за нашей спиной распахнулась, и в гостиную вошли

сразу двое мужчин. Первый был блондин, рослый, симпатичный, чем-то неуловимо похожий на Верочку, что и неудивительно: они оказались родными братом и сестрой. Второй очень эффектный мужчина неопределенного возраста, ему могло быть и тридцать, и сорок. Любое женское сердце начинало биться сильнее при одном взгляде на него. Среднего роста, нормальной комплекции, но в походке, во взгляде, в улыбке было что-то волнующее и неотразимое.

Егор, увидев его, вскочил и кинулся навстречу, руку протянул еще метров за десять.

– Александр Петрович, добрый вечер. Рад, очень рад видеть вас.

Появление красавца-брюнета подействовало на всех самым благотворным образом. Дамы заулыбались, Виталий ожил, а Антон притих и вроде бы даже уменьшился в размерах. Чувствовалось, что Александр Петрович гость желанный и всеми уважаемый. Хотя... Ирина, к моему удивлению, повела себя несколько странно, нахмурилась и отошла в сторону, как будто не желая находиться рядом. Впрочем, и она через минуту улыбнулась и даже сказала:

– Милости просим.

Блондин, оказавшийся долгожданным Андреем, расцеловался с сестрой, извинился перед остальными и устроился в кресле. Мне он сразу понравился: добродушный очкарик, застенчивый и милый.

– Встретил Андрея по дороге, – пояснил Александр Пет-

рович.

– Автобус сломался, – пожал тот плечами. – Пришлось идти пешком.

– Когда машину купишь? – все-таки влез Антон.

– Денег нет.

– Бери пример с сестрицы.

– Игорь Николаевич будет с минуты на минуту, – бесцеремонно перебил его Александр Петрович. – Только что звонил, он уже в поселке. – Тут взгляд его упал на меня, он быстро огляделся, точно ища поддержки. – Простите...

– Это Витины родственницы, – затараторила Верочка. После появления Александра Петровича она сделалась как-то проще, мгновенно растеряв свой лоск. – Ой, вы же незнакомы с Витей... сын Игоря Вениаминовича. Это его невеста Татьяна и ее сестра... Ольга, кажется.

– Не хочу показаться банальным, – пропел Александр Петрович, – но ваша красота... прошу прощения у присутствующих дам.

Все дружно засмеялись, а мужчина мгновенно перестал мне нравиться. В самом деле до тошноты банально. Только все расселись, группируясь у камина, как послышались шаги и в гостиную вошел юркий старичок с плешивой головой и портфельчиком под мышкой.

– Приветствую, господа, – руки он пожал только Александру Петровичу и Егору. – Все собрались? Что ж, приступим. Время, как известно, деньги, – он весело хихикнул, положил

портфель на каминную полку, извлек оттуда бумаги и замер в театральной позе: одна рука за спиной, в другой бумаги.

– Это тоже родственник? – не удержалась я, вопрос адресовался Антону, который сидел рядом со мной.

– Адвокат, – шепотом ответил он.

– А Александр Петрович?

– Друг старикана. Черт знает почему он здесь. Вполне возможно, что старик ему все и оставил. Вот будет цирк.

– Чему вы радуетесь? Вам что, наследство не нужно?

– Деточка, меня уже никакое наследство не спасет.

– Прошу внимания, – провозгласил адвокат.

Все сурово взглянули на нас, и мы замолчали.

Поначалу я даже заскучала, адвокат читал бумаги, точно первоклассник на конкурсе чтецов: выразительно, наслаждаясь и даже гордясь. Наконец дошли до сути и стало интересно.

– Дом и все имущество, находящееся в нем... – тут он сделал паузу и обвел всех взглядом, подчеркивая остроту момента, – моей племяннице Ирине Константиновне Шевчук в благодарность за ее терпение и преданность.

– Черт, – в гробовой тишине произнесла Мария, но на это никто не обратил внимания, все замороженно слушали, лишь Александр Петрович криво усмехнулся, покосившись на нее.

– В пожизненное пользование, – закончил адвокат.

– Что это значит? – растерялась Ирина.

– Прошу внимания, – повторил адвокат. – В случае вашего замужества или смерти, не приведи господи, – весело усмехнулся он, – дом следует продать, а вырученную сумму разделить между всеми нижеперечисленными родственниками в равных долях.

«А дяденька оригинал», – решила я, поражаясь закрученности интриги.

– Картины из моей коллекции... – далее шел перечень картин, – племяннику Андрею Викторовичу Тарасову. Он лучше всех сумеет ими распорядиться. Все остальное недвижимое имущество продать... а также все мои деньги... племянникам... Виктору... Антону... Егору... Марии... Вере... в равных долях... – Дочитывал завещание он в гробовой тишине. – Племяннице Ирине... пожизненная пенсия в размере трехсот долларов в месяц, а также деньги на содержание дома, для чего открыт специальный счет, который тоже будет аннулирован в случае ее замужества. Самарскому Александру Петровичу бронзовую скульптуру «Искушение» из моего кабинета в память о нашей долгой дружбе. Акварельный набросок Айвазовского к картине «Буря» Молчановой Анне Игнатьевне с восхищением ее красотой и прекрасными душевными качествами. По настоянию покойного завещание оглашается в сороковой день после его кончины. По закону оно вступит в силу... впрочем, – тут он сделал паузу, – некоторые обстоятельства... всем присутствующим известно, следствие по делу о гибели Льва Вениаминовича еще

не закончено, так что...

– Я ничего не поняла, – быстро заговорила Ирина, нервно теребя подол сарафана.

– Чего тут не понять? – перебила ее Верочка. – Ты живешь здесь, как и раньше, получаешь свои триста баксов в месяц и еще деньги на содержание дома.

– Да, – кивнул адвокат. – Разумеется, вы не можете тратить деньги на дом как вам заблагорассудится, вы обязаны будете предоставлять отчет о своих расходах в нашу адвокатскую контору.

– Но он сказал, что я не могу выйти замуж, – пролепетала Ирина.

– Можете, – улыбнулся адвокат. – Но в этом случае лишитесь и дома, и пенсии.

– Но как же так...

– Чего ты глаза таращишь? – не выдержала Мария. – Продолжаешь жить как раньше. Замуж ты все равно никогда не выйдешь. Послушайте, – повернулась она к адвокату, – хотелось бы знать поточнее...

– Понимаю ваш интерес, – улыбнулся он. – На счетах Льва Вениаминовича на сегодняшний день восемь тысяч долларов и двести восемьдесят пять тысяч рублей. Недвижимое имущество, назначенное к продаже, это автомобили... – Он достал еще листок, кашлянул и продолжил: – Учитывая, что двое, Ирина и Андрей, в этот список не включены, каждый получит приблизительно по шесть тысяч долларов США.

Антон зашелся от смеха. Танька разочарованно скривилась. Я тоже не смогла сдержать гримасы разочарования: вот тебе и «Альфа-Ромео». Но самое большое впечатление завещание произвело на Виталия, заморыш вдруг вскочил и заорал:

– Да это черт знает что такое... это издевательство...

– В завещании есть еще один пункт, – ласково продолжил адвокат, – на который я предлагаю обратить ваше внимание: в случае, если кто-то из родственников оспорит завещание, все имущество переходит государству.

– Ай, молодец, – продолжал веселиться Антон, охаживая себя ладонями по ляжкам. Виталий нервно бегал по комнате. Егор поднялся и обратился к Ирине:

– В качестве своей доли я хотел бы взять пейзаж, что висел в спальне Льва Вениаминовича...

– Он не стоит шести тысяч, – поспешно сказал Андрей. Он сидел красный как рак и прятал глаза от окружающих.

– Ну и что, – пожал плечами Егор. – Зато он очень нравился моей маме. Но если это невозможно... Я благодарен дяде за его заботу. А теперь, извините, вынужден проститься.

– Подождите, – вмешался адвокат. – В завещании есть пункт, по которому все наследники обязаны прожить в доме три дня с момента оглашения завещания. Если это невозможно, наследника должен заменить кто-то из членов его семьи.

– Очень сожалею, – ответил Егор, – но это совершенный

бред. Завтра утром у меня важная встреча. Всего доброго.

– Вы теряете право на наследство, – настойчиво внушал ему адвокат.

– Что ж... придется мне это как-то пережить, – улыбнулся Егор, всем кивнул и отбыл. Перспектива потери шести тысяч долларов его, как видно, не впечатлила.

– Правильно, – громко сказала Мария, как только за ним закрылась дверь. – Что ему эти деньги, эти жалкие копейки.

Тут она осеклась, быстро взглянув на Александра Петровича. Тот поднялся и вежливо раскланялся.

– Думаю, мне тоже пора. Я ведь правильно понял, – повернулся он к адвокату. – Мое присутствие здесь обязательно?

– Да, речь идет лишь о родственниках. Анна Игнатьевна и вы получаете завещанное вам в любом случае.

– Я бесконечно признателен своему другу за его внимание ко мне, – проникновенно сказал Александр Петрович. Выглядел он вполне искренним. – Это моя любимая вещь в его коллекции.

– К сожалению, вы можете ее забрать только по окончании следствия.

– Да-да, конечно. Я понимаю.

Ирина как-то странно взглянула на него, во взгляде была злость, если не ненависть. Маловероятно, что потеря скульптуры так подействовала на нее. Выходит, тут что-то другое.

Александр Петрович еще раз поклонился собравшимся и

отбыл весьма довольный. Минут через пятнадцать уехал и адвокат.

Пока адвокат находился в гостиной, родственники в основном пребывали в прострации. Виталий носился по комнате, иногда натыкаясь на предметы, остальные сидели, уставившись кто в пол, кто на огонь камина.

– Кто такая Анна Игнатьевна? – нарушила тишину Мария.

– Живет здесь неподалеку, – отозвался Андрей. – Дядя с ней, кажется, дружил.

– Быть того не может, – нервно хихикнула Вера. – Дядя был способен дружить с женщинами?

– Но этого просто не может быть! – визгливо выкрикнул Виталий.

– О чем ты, дорогой? – повернулась к нему Мария.

– На счетах у него какие-то крохи... Но этого просто не может быть. Он жил на широкую ногу... Этих денег ему вряд ли бы хватило на год.

– Дядя был страшный жмот, – вздохнула Вера. – Вон у Ирки спроси, она знает. Он тратил деньги только на картины...

– Которые теперь достались твоему брату, – съязвил Виталий. Пожалуй, я ошиблась, решив, что он неразговорчивый тип. – С какой стати, интересно? Он же терпеть его не мог.

– Может, скажешь, кого из нас он любил? – усмехнулся Антон. – Если вас интересует мое мнение, дядя сделал правильный выбор, что касается картин, разумеется. С точки

зрения дяди, Андрей бессребреник и неудачник, но человек исключительно порядочный. Что будешь делать с картинами? – повернулся он к брату. – В музей отдашь?

– Конечно. Люди должны их видеть. Это же...

– Идиот, – вздохнула Вера, глядя на него с сожалением. –

Но ничего...

Андрей поежился, а я решила, что в его жизни грядут испытания.

– Что ж, следует признать очевидный факт, – вновь заговорил Антон. – Мы получили совсем не то, что ожидали, – тут он хихикнул.

– Вот именно, – скривилась Вера. – Ждали смерти богатого дяди, а он оказался совсем не богатым. Шесть тысяч на каждого! Да это смешно. Я собиралась купить квартиру...

– Он мог вовсе не упомянуть нас в завещании, – пожал плечами Андрей.

– Ты лучше молчи, тебе хорошо говорить...

– Боже мой, – простонала Ирина, о которой, похоже, все забыли.

– Ты-то чего убиваешься? – накинулась на нее Вера. – Дом, пенсия, чего еще надо?

– Он не мог так поступить со мной, – забормотала она, глядя на всех с душевной мукой.

– Ты что, замуж собралась? Интересно, за кого? Впрочем, почему бы и нет? Будешь жить без регистрации, а что? Там сказано, «если выйдет замуж». Нет регистрации, нет и заму-

жества, и ты останешься при своем.

– А дядя занятный тип, – продолжал веселиться Антон. – Кажется, он испытывает нас на прочность.

– Что еще за ерунда? – удивилась Мария.

– Может, и не такая уж ерунда, если вдуматься. Здесь собрались люди далекие от нравственности...

– Говори, пожалуйста, за себя, – перебила его Вера.

– Твои нравственные устои вне сомнения, сестренка, – съязвил он. – Не секрет, что у большинства из нас финансовые проблемы.

– У меня нет никаких проблем! – взвизгнул Виталий, чем, признаться, даже напугал меня. – Это слухи, которые распускают мои враги.

– На то и враги, – согласился Антон. – Как вы думаете, с какой такой стати мы должны торчать здесь три дня?

– Чтобы окончательно возненавидеть друг друга? – усмехнулась Маша.

– Само собой, но если учесть, что дядя увлекался детективами... предположим, кто-то из нас вдруг скоростижно скончается. Доля остальных сразу увеличивается.

– На пару тысяч баксов? – презрительно хмыкнула Маша. – Тебе самое время обратиться к психиатру.

– Для тебя это, конечно, не деньги, а для кого-то... – Тут все взглянули на нас, а Антон захохотал, очень довольный своей шуткой.

– Они приехали на «Альфа-Ромео», – заявила Вера, как

видно, восприняв его слова всерьез. – Такая тачка стоит денег.

– По-настоящему беспокоиться стоит только Ирине, – продолжил добрый братец. – Если она выйдет замуж, сумму, полученную за дом, мы поделим между собой. Такая цифра мне намного симпатичнее. Если у тебя нет жениха на примете, я берусь его найти.

– Что ты мелешь? – не выдержала Вера, а Антон развел руками.

– Ей следует опасаться коварства родственников. Чтобы завладеть денежками, кто-то из нас вполне способен подсунуть ей какого-нибудь афериста, который за небольшое вознаграждение вскружит бедняжке голову. Держи ухо остро, сестрица.

– Антон, ты неисправимый дурак, – покачала головой Мария, но тут в очередной раз меня потряс ее муженек.

– А что там сказано по поводу ее смерти? Если она вдруг умрет, стоимость дома делится на всех поровну? Никешины выставили дом на продажу, просят за него шестьсот тысяч. А их дом хуже расположен...

– Просить можно сколько угодно, – нахмурилась Вера. По выражению лиц остальных было заметно, что все принялись лихорадочно что-то подсчитывать.

– Да, из-за такой суммы...

– Егор уже вне игры, – подлил масла в огонь Антон, явно наслаждаясь ситуацией. – Если кто-то из нас... Доля будет

постоянно увеличиваться.

– Нет, ты точно идиот, – покачала головой Маша. – Подумай об Ирке, мы уедем, а ей жить одной в этом чертовом доме, где даже двери стеклянные.

– В самом деле, Антон, – подал голос Андрей. – Твои шутки...

– Я просто имел смелость высказать то, о чем вы думаете. Или будете думать.

Все дружно приготовились возразить, но тут зазвонил Танькин мобильный. Она поспешно достала его из кармана, буркнула «извините» и вышла из гостиной. Вернулась она минут через десять, за это время каждый, за исключением меня, успел высказаться насчет Антона, разумеется, нелицеприятно.

– Витя улетает завтра утром, – сообщила сестрица. – Я бы хотела проводить его. Вы не возражаете, если вместо себя я оставлю сестру? Это не будет нарушением договора?

– Почему же? Будет, – ядовито ответила Вера. – Витька и так ничего не получит, потому что формально вы ему не родственница. Невеста, не жена. И ваша сестрица...

– Она его жена, – с усмешкой заявил Антон. – Я ведь не ошибся?

– Нет, – гордо ответила Танька.

– Адвокату об этом известно, потому он оставил их в игре. Так что формально, – он подчеркнул это слово, с ухмылкой глядя на Веру, – Ольга – Витькина родственница. Золовка,

кажется. Так что девушка в деле.

– Что за идиотская манера называть происходящее игрой, – разозлилась Мария. – В конце концов, сегодня сороковой день со дня смерти дяди и это не повод для всяких там выходов...

– Он просто запал на девчонку, – поддакнула Вера. – И хочет, чтобы она осталась.

Про Ирину вроде бы опять все забыли. Она сидела возле камина, где догорал огонь, нервно потирала руки и, похоже, ничего не слышала.

– А что у нас с поминками? – возвысил голос Антон. – Ужинать будем? Я бы выпил с удовольствием. Ирочка, ты ведь не позволишь нам умереть с голоду?

Она все-таки услышала, вскочила, пробормотала «да-да, сейчас», потом окончательно пришла в себя и предложила:

– Идемте в столовую, у меня все готово.

Родственники двинулись в сторону столовой, а я потянула Таньку за рукав к нашей комнате.

– Ты ведь не рассчитываешь всерьез, что я здесь останусь? – спросила я, закрыв дверь.

– Витька едет на три месяца. Должна же я его проводить?

– Конечно, должна. Я понимаю, что получить шесть тысяч баксов совсем неплохо, но... честно говоря, у меня ни малейшего желания торчать здесь три дня. Твоя будущая родня произвела впечатление.

– Тебя не отравят, это нелогично, – деловито заметила

Танька. – И меня тоже... тьфу-тьфу. Я тебя завтра сменю. Честно. Тебе вечер простоять да ночь продержаться. А я из аэропорта прямо сюда. Ну?

– Гну, – передразнила я. – Проваливай. А я, так и быть, продолжу интересное знакомство.

Проводив Таньку, я пошла в столовую, где собралась родня. Я была уверена, что в доме есть помощница по хозяйству, но оказалось, всем заправляла сама Ирина. Похоже, бедняжка прожила все эти годы в прислугах, заботясь о стареющем дядюшке после смерти его жены. И после своей кончины он ее не порадовал.

Ирина сновала из столовой в кухню, а остальные не видели в этом ничего особенного. Когда ужин закончился, гости разошлись, Ирина отправилась мыть посуду. Ни Вере, ни Маше не пришло в голову помочь ей. Я же сказать спасибо и смыться, оставив Ирину с горой посуды, не смогла.

– Давайте я вам помогу.

– Нет, нет, что вы...

– Если я буду мыть, а вы вытирать и расставлять, получится вдвое быстрее.

Она все-таки согласилась. Я приступила к работе, недобрым словом помянув дядю, мог бы приобрести посудомоечную машину. Как видно, дядя сэкономил, решив, что племянница вполне справится и без машины.

Ирина выглядела хмурой и несчастной. С моей точки зрения, ее сестра была недалеко от истины, говоря о том, что

она может жить как и раньше и даже с любимым человеком, если таковой имеется, просто не регистрируя с ним брак. Да и пенсия в триста долларов тоже очень неплохо. Я за эти триста баксов торчала в магазине с утра до вечера. Должно быть, Ирина, как и все, рассчитывала на большую сумму денег. Интересно, как она намеревалась ее потратить? Впрочем, это не мое дело.

Закончив с посудой, я отправилась в свою комнату, где надолго не задержалась. Пока не стемнело, лучше прогуляться. Я пошла к озеру, вид там открывался прямо-таки волшебный. Я размышляла о семействе, куда меня забросило волей судьбы, и, наслаждаясь прелестями природы, несколько раз подумала, что дом, расположенный в столь благодатном месте, созданный с умом и вкусом, вполне может стоить сумасшедшие деньги, а это значит...

– Потрясающее зрелище, правда? – услышала я, но оборачиваться не спешила. Я и так знала, что за спиной у меня Антон. Как видно, его сестрица оказалась права и моя особа возбудила у него интерес.

– Да, – наконец ответила я после довольно длительной паузы и повернулась. Он стоял в нескольких метрах от меня, толстый, весело ухмыляющийся и вроде бы даже добродушный. Но, приди мне охота вообразить дальнейшее развитие событий в детективном ключе, я легко бы могла представить его в роли главного злодея, то есть убийцы. Хотя на ту же роль идеально подойдет и Виталий, и Вера, и даже Маша.

Андрея я почему-то сразу исключила. И тут вот какая мысль пришла мне в голову: Ирину в роли убийцы я не вижу, и во все не потому, что считаю ее совершенно на эту роль непригодной, а... я уготовила ей роль жертвы. Невольно пожившись, я запретила себе думать про эти глупости. Мы с Антоном не спеша пошли вдоль берега по песчаной дорожке. Надо сказать, что обитатели Озерной не только следили за порядком вокруг своих особняков, но и с большим трепетом относились к местам общественным. Дорожка была в идеальном состоянии, на берегу ни бумажки, ни прочего мусора, везде завидный порядок.

– Озеро довольно глубокое и большое. Кажется, сорок километров площади. Один из местных богатеев даже завел здесь яхту.

– Зачем яхта на озере? – удивилась я.

– Понятия не имею, я же не богатей.

Мы засмеялись, а потом я спросила:

– А кто вы?

– Вы еще не поняли? Болтун и неудачник.

– Вы это серьезно?

– Насчет болтуна?

– Нет, насчет неудачника?

– Как еще можно назвать человека, у которого в тридцать три года ни семьи, ни собственного дома, ни приличной работы, ни перспектив... Зато масса дурных привычек.

– По-моему, вас это ничуть не тяготит, – позволила я себе

возразить.

– А вы проникательны. Не ожидал. Обычно красивые девушки...

– Дуры, – подсказала я.

– На самом деле дураки мужики, которые эту глупость повторяют.

Мы опять засмеялись.

– Здесь есть еще одно небольшое озеро. Точнее, здесь полно озер, но то я считаю особенно красивым. От дома ведет тропинка вон туда, на запад. С одной стороны там поле, с другой лес. В лунную ночь зрелище волшебное. Кстати, сегодня полнолуние.

– Поэтому девушкам лучше сидеть дома. Вся нечисть соберется у лесного озера.

– Вы верите в эти сказки?

– Конечно, нет. Но иногда так хочется поверить.

Еще минут десять мы болтали о подобных пустяках, потом наш разговор неизбежно коснулся сегодняшних событий. Я считала, что имею право удовлетворить свое любопытство, поэтому, когда Антон спросил: «Что вы думаете о нашей семье?» – я ответила смеясь, желая поддержать разговор:

– Любой из вас вполне может убить.

– Из вас?

– Хорошо. Из нас. Хотя ожидать от меня такой прыти из-за денег, которых я, скорее всего, не получу... Сестрица мо-

жет развестись с вашим братом еще до получения наследства, и я останусь в дураках.

– Да уж, перспектива ужасная, – в тон мне ответил он.

– А если серьезно? Что здесь произошло? Я имею в виду смерть дяди.

– Вы что, не знаете? Дражайшая Зинаида Петровна не поведала вам все в деталях, ею же придуманных?

– Невероятно, но факт, – печально кивнула я.

– А что она вообще сказала?

– Дядя – миллионер, родственники – кровопийцы, ноги ее здесь не будет.

– В принципе правильно сказала, – неожиданно серьезно ответил он. – Да вы и сами видели. Пауки в банке.

– Да бросьте вы. Далеко не худший вариант. Я знаю случай, когда две родных сестры рассорились после смерти матери из-за шубы. Не разговаривали двенадцать лет. А здесь все-таки приличные деньги. Егор даже уехал...

– Он может себе это позволить. Он банкир, причем весьма процветающий.

– Я думала, политик.

– Политик Самарский.

– Александр Петрович?

– Ага. Глава холдинга и по совместительству депутат.

Очень серьезный человек, ему прочат большое будущее.

– Они дружили с вашим дядей?

– Да, как ни странно. Хотя дружить с дядей было нелегко.

Уж можете мне поверить. Своих братьев и сестер, которых, как вы уже поняли, немало, он терпеть не мог. Те сюда нас не показывали и вообще долгое время с ним не знали. Но когда пошли слухи о его фантастическом богатстве, деток, то есть нас, охотно сплавляли сюда на лето. И тут уж у кого больше выдержки. Я обычно раз пять за лето сбегал. Чемпионкой по усидчивости была Машка, но она всех старше, понимала, что к чему, ну и Ирина, естественно, она жила здесь постоянно.

– Кстати, вам не кажется, что он обошелся с ней жестоко? – спросила я.

– А вам не кажется, что у него на то могли быть причины?

– Наверное, причины были, – пожала я плечами. – И все же... Она много лет жила с ним, готовила, следила за порядком в доме, заботилась о старике...

– Да-да... кстати, как вы относитесь к моей теории?

– Какой?

– Старик предложил нам пожить здесь три дня неспроста.

– Чтобы вы переубивали друг друга?

– Думаю, он бы здорово повеселился. Самый простой способ заполучить большую сумму денег – это избавиться от Ирины.

– Вы не находите, что говорить об этом в ее присутствии довольно жестоко?

– Конечно, нахожу. Но меня, как и вас, очень занимает некая несправедливость по отношению к ней. Конечно, она

угробила молодость на этого старика, но ведь не просто так.

– Бедному ребенку некуда было деться, а потом она привыкла.

– А может быть, ждала его смерти и он знал об этом?

– И отомстил. Надо сказать, что у него получилось.

– А хотите еще развития сюжета? Допустим, она устала ждать и решила ускорить события. А старикан об этом догадался. В предчувствии близкой кончины он оставил завещание с весьма странными инструкциями.

– Вы хотите сказать, кто-то из родни способен убить несчастную Ирину из-за большого куска пирога и тем самым отомстить убийце дяди?

– Слушайте, а вы действительно умная девушка.

– Спасибо. Вы кем работаете?

– Менеджер среднего звена в торговой фирме, – развел он руками.

– Талант пропадает. Могли бы детективы писать.

– Я написал, даже два. Но ни одно издательство их не приняло.

– Они сумасшедшие. Значит, по-вашему, Ирина отравила дядю.

– В этом случае я бы считал свою версию безупречной. Однако представить сестру бьющей дядю поленом по голове я все-таки не могу. Поэтому на такой роскошной версии придется поставить крест.

– Какое полено? – удивилась я. – Ведь дядю отравили?

– Если бы. Пробитую голову отравлением считать никак нельзя. Вы что, действительно ничего не знаете?

– Конечно, нет.

– Зинаида Петровна теряет форму.

– Она уверена, что он умер от удушья.

– Приступ удушья имел место. Дядя – астматик, и у него действительно была аллергия. Возможно, что-то ее даже спровоцировало. Но умирать он явно не собирался, хотя...

– Слушайте, вы меня с ума сведете своими загадками.

– Хорошо, хорошо. Перехожу прямо к делу. Ирина в тот вечер отправилась к подруге, та живет в поселке. Они заболтались, как это водится у женщин, и Ирина засиделась у нее дольше обыкновенного. Дядя позвонил ей, сказал, что ложится спать, выпил рюмочку коньяка, а может, две или три, он очень уважал коньяк и на ночь непременно выпивал. Но спать не лег, а зачем-то пошел в лес, где его и обнаружил начальник местной милиции. У него дом неподалеку. Дядя лежал на тропинке с пробитой головой. Вскрытие подтвердило наличие аллергена в его организме, но голову ему все-таки пробили. Так что... Если желаете услышать мою версию, было так: дядя почувствовал себя скверно, вышел прогуляться...

– И встретил на лесной тропе злодея.

– Точно. Правда, злодеи ранее здесь не водились. Люди вокруг не бедные, за порядком следят. По ночам вдоль озера разъезжает патрульная машина, так что местные чувствуют

себя в безопасности.

– Почувствовав удушье, разумнее вызвать «Скорую», а не бежать в лес.

– Через лес самая короткая дорога к Михайловым. Оба супруга врачи, а «Скорая» приехала бы из города минимум через двадцать минут.

– Вы опять увлеклись или это правда?

– Одна из версий.

– Тогда выходит, убийца не был уверен, что отравленная им жертва умрет, и схватился за полено?

– А что? Вполне логично. Вместо того чтобы скончаться, дядя трусит по лесной тропинке. Это могло здорово расстроить убийцу, и он перешел к более радикальным мерам.

– Ирину мы из списка исключили, тем более у нее, судя по всему, есть алиби. Кто тогда, по-вашему, убийца?

– Я бы предложил Виталика. Дела у него сейчас из рук вон плохи. Фирма дышит на ладан, он на грани разорения, а с такой женой... Вы же видели сестрицу, он по ней с ума сходит, а она спит с кем попало. Замуж она выходила за богатого человека и сейчас уже подыскивает ему замену. Человек в его положении способен на многое.

– Уверена, милиции это тоже бы пришло в голову. У него есть алиби?

– Само собой. Однако вовсе не обязательно самому махать поленом. Нанял какого-нибудь типа, тот и поджидал старика в лесу. А приступ удушья нужен был для того, чтобы

выманить дядю из дома. В половине одиннадцатого в лесу уже темень...

– Тогда у убийцы должен быть сообщник в доме. И убийца должен быть уверен, что старик не вызовет «Скорую», а бросится к соседям.

– Это нетрудно предугадать.

– Но некто в доме подсыпал какую-то дрянь старику, чтобы спровоцировать приступ удушья. Как, по-вашему, наемный убийца может незамеченным проникнуть в дом?

– Не так-то это трудно, как кажется, – пожал плечами Антон. – Вы же видели, двери открыты. А потом... Он мог познакомиться с Ириной, войти к ней в доверие... Она ведь живой человек, и ничто человеческое ей не чуждо.

– На чужака здесь непременно бы обратили внимание.

– А если это кто-то из местных?

– Вам не кажется, что мы чересчур увлеклись? – вздохнула я.

Антон засмеялся.

– Зато вам со мной интересно. Разве не так?

– Более чем. Уже стемнело, и, учитывая мрачность наших фантазий, лучше вернуться домой.

– Слушаюсь и повинуюсь, – шутливо поклонился он и предложил мне руку.

Мы зашагали к дому. Хоть я и считала его слова глупыми бреднями, однако эти бредни здорово меня увлекли. Люди обожают тайны, и я не исключение.

– Если вам интересно мое мнение, – вновь подал голос Антон, – дядя был на редкость скверным человеком. Ирка жизнь искалечил. Когда умерла тетя, она только-только школу закончила, собиралась поступать в институт. Но дядя ей заявил, что она обязана остаться с ним. И даже домработницу уволил, решив, что Ирка вполне справится. Прислуга, над которой можно вдоволь издеваться и которой даже платить не надо.

– Она ведь могла уехать.

– И бросить его? Нет. Не могла. Она дурочка, которая верит в то, что все мы кому-то что-то должны. К тому же она боязлива, бесхарактерна... в общем, не могла. Теперь он навечно привязал ее к этому дому. И про Андрея я говорил серьезно. Он хороший парень, только бесхребетный. Сидит в своем музее, на его работах уже пять человек защитились, а он все в научных сотрудниках. Зная его мамашу, представляю, что теперь начнется. Да и Верка... Вряд ли он устоит. Ни в какой музей картины он не отдаст. Искалечат они жизнь парню, вот увидите. От этих чертовых денег не будет прока. Знаете, что я решил? Завтра с утра сбегу отсюда.

– Не поверите, я предлагала сестре то же самое.

– И правильно. Надо уносить ноги. И ни в коем случае не брать эти деньги. От дьявола не может быть добра.

Надо сказать, произнес он это так убежденно, что я поверила. И даже подумала, а не вызвать ли такси прямо сейчас, чтобы вскоре оказаться в своей квартире и забыть про

эту семейку. Потом я подумала о Таньке и решила, что лучше остаться до утра. Если ей хочется просидеть здесь три дня, ради бога, а меня пусть уволит. Но, когда мы подошли к дому, возникла еще мысль: оставлять здесь сестрицу одну, пожалуй, опасно, а вслед за этим вот какая догадка озарила меня: Антон рассказывал мне все это с одной целью – чтобы я покинула дом, а он в результате получит на две тысячи больше. Короче, разводит, как пчелок, а я... Как видно, моя внешность в очередной раз сыграла со мной гнусную шутку, парень хоть и отпускал комплименты моему уму и сообразительности, но так и не смог поверить, что я не идиотка.

Мы мило простились в холле, я вошла в свою комнату, заперла дверь и прорычала сквозь зубы:

– Ну, ладно.

Конечно, я тут же позвонила сестрице. Нечего говорить, как она была потрясена чужим коварством.

– Ты там держи ухо востро, – напутствовала она меня, и я поклялась, что ни одного причитающегося им с Витькой доллара не провороню.

Чужое пренебрежение к моему уму больно ранило, вместо того чтобы лечь спать, я устроилась в кресле возле окна, уставилась в потолок и принялась размышлять. «Требуется кое-что выяснить об этой семейке», – подумала я и, решив начать с покойного, набрала номер своего бывшего работодателя. Несмотря на то что я считала его подлецом и жмотом, расстались мы не только мирно, но даже дружелюбно, а

если учесть, что он мужчина свободный, то ничто не мешало мне позвонить ему в столь неурочный час, сославшись на важное дело. Эдик, то есть Эдуард Васильевич, мне невероятно обрадовался.

– Оленька, солнышко, рад тебя слышать. Чем занимаешься?

– Пытаюсь сохранить сестрице деньги.

– Очень интересно.

– Мне тоже. У меня к тебе вот какой вопрос. Ты был знаком с Костолевским Львом Вениаминовичем?

– Да. Но он умер. Кажется, месяц назад.

– На самом деле его убили.

– Да-да, в новостях что-то такое говорили.

– Ты его хорошо знал?

– Нет. У старика был скверный характер. Пару раз я имел с ним дело, после чего поклялся обходить его стороной.

– А что ты скажешь о его коллекции?

– Что сказать, – вздохнул Эдик. – Коллекция неплохая. Шишкин есть, Айвазовский... Маковский есть... кое-кто из авангардистов.

– То есть он серьезный коллекционер?

– Лева? Побойся бога. Он вообще не коллекционер. Коллекционер – это... это наш Градовский, не ест, не пьет, только думу думает, что и где... Ну, ты поняла. Коллекционер за любимую картину не только деньги, кровь свою до капли выкачает. А Лева так... любитель. Коллекция досталась ему

от тестя, тот был каким-то партийным боссом в Министерстве культуры. Ни черта в живописи не соображал, зато цены на рынке знал хорошо. Смог привить любовь к искусству дочке, она училась в Строгановке, где и встретила Левушку. Художник из него такой же, как и коллекционер. Пользуясь покровительством тестя, он делал маленький бизнес, здесь продаст, там купит. Потом тесть умер, и он получил его картины. Это и есть его коллекция. Сам он к ней ничего существенного не прибавил. И практически ничего не продавал. В общем...

– Подожди. На что же он тогда жил?

– Вот этого не скажу. Сам диву давался. В прежние времена он числился экспертом в музее, потом вовсе нигде не работал. Могли быть какие-то сбережения, доставшиеся от тестя, но, учитывая нашу российскую историю, они должны были раз пять сгореть. Думаю, он все-таки провернул какую-то аферу, потому что как-то вдруг разбогател. То жил в обычной даче, в Дубровке, она, кстати, тоже от тестя досталась, ходил во фланелевых брюках и вдруг отгрохал особняк прямо в заповедной зоне. Ты знаешь, сколько там земля стоит? Сказать страшно. – Если уж Эдику страшно, значит, мне и знать ни к чему, чтоб по ночам не кричать. – А у него еще такой дом, каких поискать.

– И откуда на него такое богатство свалилось, ты не знаешь?

– Самому очень интересно. Коллекционеры народ мут-

ный... В общем, последние лет пятнадцать он сидел в своем доме, практически ни с кем из наших не общался, ничего не продавал и очень редко что покупал. У меня купил две акварели. А чем он тебя заинтересовал?

Пришлось объяснить Эдику, что я делаю в доме Костолевского. На него это произвело впечатление.

– Если наследник решит продать картины...

Я обещала ему свое содействие и вновь вернулась к Костолевскому.

– На его счетах денег немного, и это здорово удивило родню. Его ведь считали миллионером.

– Чему удивляться, – вздохнул Эдик. – Коллекционеры живут тем, что постоянно что-то продают, что-то покупают. Разумеется, если нет другого источника доходов. Он ничего не продавал и не покупал. О других источниках его доходов я тоже ничего не слышал. Я уверен, лет пятнадцать назад он провернул какую-то грандиозную сделку или даже несколько сделок, разбогател и потом жил на эти деньги как рантье. Хотя знаешь, слухи о подобных сделках все равно имеют хождение среди нашего брата. Но ни о чем подобном я, признаться, не слышал. Скорее всего, тесть оставил ему килограмм камней или слитки золота, которые он благополучно перевел в наличность. Про тестя говорили, что он в Ленинградскую блокаду был в аппарате Жданова. В Питере в то время было чем поживиться. За кусок хлеба люди не только Шишкина, Рафаэля бы отдали. Имея его возможности...

– А что в народе говорят об убийстве Костолевского?

Эдик опять вздохнул.

– Да ничего не говорят. Был слух, что отравили, но я сам в новостях слышал, нападение. Шпана какая-нибудь. Хотя место там спокойное, как-никак у губернатора дом по соседству, но шпане на это наплевать. А ты думаешь, его из-за наследства тюкнули?

– Не знаю, что и думать.

Мы еще немного поболтали, затем простились. Я вновь задумалась.

Особой ясности разговор в ситуацию не внес. Скорее все еще больше запутал. Спать по-прежнему не хотелось. Я подошла к окну, открыла его и выглянула в сад. Озера из моего окна не было видно, но от открывшейся мне красоты захватило дух. На лужайке росли голубые ели, над ними висела луна, огромная и яркая, рядом кусты жасмина и цветущие розы, в свете луны их бутоны казались почти черными.

– Господи, как прекрасен мир, – прошептала я, устраиваясь на подоконнике. В кустах что-то зашуршало, а через мгновение я услышала:

– Доброй ночи, принцесса.

Я перевела взгляд на землю и увидела Леопольда. Сложив ручки на груди, он смотрел на меня снизу вверх и улыбался.

– Привет, – ответила я.

– Ты еще красивее в этом лунном свете...

– Спасибо. Залезай ко мне, если хочешь. Мы могли бы

поболтать. Сестра уехала, спать не хочется, а никто из родственников желания продолжить знакомство не вызывает.

– Ничего удивительного, – согласился со мной карлик. Леопольд мне нравился, и я не прочь была поболтать с ним. При этом я очень рассчитывала разжиться дополнительными сведениями о доме и его обитателях. В общем, я была в меру искренна и в меру корыстна.

Он подпрыгнул, уцепился за подоконник, а я помогла ему вскарабкаться на него. Леопольд устроился поудобнее, опять сложил руки на груди и весело поглядывал на меня.

– Значит, ты осталась.

– Ты знаешь об этом пункте завещания?

– Конечно, я знаю все, – самодовольно ответил он.

– Ирина сказала, что ты дружил с хозяином.

– Ирина, – скривился карлик. – Терпеть ее не могу. Она отравила старика.

– Разве его не убили вон там, на лесной тропинке?

– Она его отравила, – упрямо повторил он.

– Мышьяком? – не удержалась я.

Карлик нахмурился, стало ясно: насмешек он не выносил, впрочем, я их тоже терпеть не могу.

– Арахисом, – серьезно ответил он.

– Вот уж не знала, что арахисом можно отравить.

– Конечно, можно, если у человека аллергия на него. Старик не выносил арахис. Просто не выносил. Однажды эта дура купила пирожных с арахисовым маслом, старик чуть не

умер. Хорошо, Ирка додумалась позвонить соседу, он врач, смог спасти старика. Ирка тогда здорово перепугалась. А когда узнала, из-за чего у дяди случился приступ, поняла, как от него проще всего избавиться. И к подруге сбежала, чтобы старику некому было помочь.

– Ты рассказывал об этом следователю?

– Им нужны доказательства. У меня их нет, потому что эта шельма хитрая. Я думаю, арахис она насыпала в коньяк, перемолов орехи в мельнице. На ночь старик всегда выпивал рюмку-другую. Старик ничего не понимал в коньяке. Только делал вид, что понимает. Лишь бы этикетка была красивая. Он во многих вещах ничего не понимал, просто делал вид. Запросто мог выпить, ничего не заподозрив. Ирка не рискнула бы покупать арахис здесь. Но за неделю до этого она ездила в город. К врачу. Бутылку из-под коньяка я не нашел, а мельница была тщательно вымыта. С какой стати? Она сроду ее не мыла.

– Послушай, если бы все это ты рассказал в милиции, их наверняка бы заинтересовало... – серьезно заметила я. После разговора с Антоном сказанное карликом уже не казалось совершенно глупым. Он вдруг захихикал.

– Ты не знаешь, какие у нас здесь дела творятся. Ты думаешь, что рядом ходят люди, а... посмотрела бы ты на родственников в свете луны. Кое у кого видны клыки, а у некоторых и того хуже... – Я невольно поежилась, глядя на лу-

жайку, залитую лунным светом. – Они могут очень искусно притворяться, но я давно вывел всех на чистую воду. Хотя они думают, что это старик.

– Кто думает? – нахмурилась я.

– Все. Все эти уроды. Они считают уродом меня. Потому что я маленький. Вот умора. Где это ты видела людей с хвостом и рогами?

– А кто здесь с хвостом и рогами?

– С рогами почти все, – продолжал хихикать он. – Хвост торчит у Ирки из-под юбки. Она давно спуталась с чертом. Самым настоящим. Старик хотел ее спасти, а она отплатила ему черной неблагодарностью.

Честно говоря, рога и хвосты не очень-то меня впечатляли, я имею в виду в другое время, но сейчас лес, освещенный луной, показался мне зловещим, а слова карлика не лишены смысла. Однако от мистики я предпочла перейти к насущным вопросам.

– Значит, ты был другом старика? Выходит, он человек хороший. Не стал бы дружить с кем попало. Верно?

Мои слова произвели на него неожиданное впечатление. Леопольд некоторое время смотрел на меня сердито, затем погрузился, отвел взгляд и вздохнул.

– Ты настоящая принцесса, – наконец изрек он. – А меня считаешь уродцем.

– По-моему, ты довольно симпатичный, – улыбнулась я. – И я не прочь иметь такого друга.

– Правда?

– Конечно.

– Но и ты никогда бы не смогла меня полюбить. Как мужчину.

– Видишь ли, в настоящий момент я мечтаю о прекрасном принце, что совершенно естественно для девушки моего возраста. Но когда я стану старше и мудрее, я, возможно, пойму, что внешность – не главное. К тому же всегда можно вообразить, что ты и вправду принц, только заколдованный, – засмеялась я, и карлик хихикнул в ответ, а потом сказал:

– Старик был скверным человеком. А подружился мы с ним потому, что я в глубине души тоже считаю себя уродом. Ты слышала, что подобное тянет к подобному? – Тут Леопольд вдруг насторожился и сделал мне знак молчать.

С полминуты мы сидели в тишине, нарушаемой лишь невнятными шорохами леса.

– Ага, – сказал карлик. – Кажется, события начинают развиваться. Прощай, принцесса. И будь осторожна.

Он очень ловко спрыгнул с подоконника и устремился по тропинке к лесу, а я на мгновение увидела то, что, должно быть, еще раньше заметил он: силуэт на тропинке, ведущей от кухни. Судя по белому балахону, это могла быть Ирина в своем льняном сарафане, и шла она по той самой дорожке, где убили ее дядю.

Карлик мгновенно растворился в кустах, не произведя ни-

какого шума, а я осталась у раскрытого окна, правда, ненадолго. Любопытство пересилило во мне даже страх заблудиться в незнакомом лесу.

Я спрыгнула с подоконника и побежала по тропе, правда, в отличие от Леопольда, отнюдь не бесшумно. В нескольких метрах от дома две тропинки сходились в одну. Достигнув этого места, я совершенно отчетливо увидела впереди Ирину. Она быстро шла, размахивая руками, но неожиданно остановилась и оглянулась. Я успела растянуться на мокрой траве рядом с тропой, чтобы она меня не заметила. Как я объясню, что делаю здесь, если она меня увидит?

– Кто здесь? – тревожно спросила она. – Кто здесь? Выходите. Я знаю, что вы рядом...

Лицо ее в лунном свете казалось белым пятном с провалами глаз, и я поймала себя на мысли, что карлик, возможно, прав: в полнолуние хозяйка дома выглядит иначе.

– Вы меня не запугаете! – крикнула Ирина, но голос ее дрожал от страха. На мгновение я решила, что сейчас она повернет к дому и мое присутствие здесь станет очевидным, но она резко повернулась и побежала по тропе вперед. Я немного выждала и поднялась.

– Ты принцесса, а топаешь как слон, – услышала я из соседних кустов злой шепот.

– Меня не учили ходить бесшумно, – ответила я.

– Лучше помалкивай, – посоветовал карлик. Видеть я его не могла, но вскоре поняла, что в кустах его больше нет. Под-

нялась и, стараясь ступать крайне осторожно, зашагала дальше. Теперь Ирину я не видела, чему только поначалу порадовалась: карлик прав, индеец из меня никудышный, так что лучше следовать за ней на приличном расстоянии.

И тут тропинка опять разделилась на две. Я начала беспомощно оглядываться вокруг. Лес с обеих сторон стоял сплошной стеной, не верилось, что я в поселке или совсем рядом с ним. По какой из двух тропинок пошла Ирина, я понятия не имела.

– Леопольд, – тихо позвала я. Но он не откликнулся. Может, его не было рядом, а может, просто не пожелал отозваться. Стало ясно: дорогу придется выбрать самостоятельно. Особо не мудрствуя, я решила положиться на судьбу, применив детскую считалку, и пошла по той, что мне выпала. Я ускорила шаги в надежде увидеть впереди светлый сарафан Ирины и убедиться, что удача сопутствует мне. Между деревьев и впрямь что-то мелькнуло, я припустилась бегом и через мгновение увидела ровную гладь озера. В свете луны оно казалось фантастически прекрасным. Я замерла, пораженная вдруг открывшимся великолепием, забыв и про Ирину, и про карлика, и про загадки, которые он успел мне загадать.

Уходить отсюда не хотелось. Меня охватило желание встать на лунную дорожку и бежать по ней быстро-быстро... Вероятно, я бы и попробовала сделать это, в такую ночь нет ничего невозможного, но тут вдруг услышала женский смех,

ласковый, как звон колокольчика. «Неужто русалки? – совершенно серьезно подумала я, начала оглядываться и наконец обратила внимание на машину под деревьями в каких-нибудь двадцати метрах от меня. – Как она здесь оказалась? – удивилась я. – Должно быть, здесь где-то рядом дорога, по тропе на машине не проедешь».

Что могут делать ночью возле озера хозяева машины? Женский смех не оставлял сомнений в правильности моей догадки. Я перевела взгляд на озеро, но никого там не увидела. «Какая все-таки странная ночь», – подумала я, и точно неведомая сила толкнула меня к машине, хотя у неведомой силы есть имя – любопытство. Оно вряд ли понравится хозяевам джипа, но в тот момент я об этом совсем не думала. Очень тихо ступая, я подошла почти вплотную к машине и заглянула в окно.

Кажется, есть такая болезнь: человек любит подглядывать за другими. Не помню, как она называется, но внезапный приступ этой болезни вдруг обрушился на меня, и я стояла как замороженная, наблюдая за тем, что происходит в машине. Смех стих, и теперь женщина тихонько постанывала. Одно это прозрачно намекало на то, что мне следует немедленно убраться восвояси, потому что стоять и тарашиться на то, как люди занимаются любовью, попросту неприлично.

Я не могла видеть лица мужчины, но замерла, точно в столбняке, глядя на обнаженную его спину, напряженную, с

сильно развитой мускулатурой. Он приподнял голову, женщина взъерошила ладонями его темные волосы, а я внезапно решила, что ничего прекраснее до сих пор мне видеть не приходилось. Так как девушка я разумная и ранее ничего подобного со мной не приключалось, я могу предположить одно: наверное, та ночь и впрямь была колдовской.

Дыхание у меня перехватило. Я вся взмокла и с ужасом поняла, что не смогу и шага сделать. Я смотрела на его спину и думала, как бесчеловечно несправедлива ко мне жизнь, и сердце ныло и готово было разорваться от горя и глупой жалости к себе. Как будто мой возлюбленный, чья любовь мне дороже жизни, изменял мне на моих глазах. Если учесть, что мужчину я видела впервые, да и то лишь спину, вы поймете, какое сумасшествие охватило меня в ту ночь.

К счастью, боль была столь острой, что привела меня в чувство. Я попятилась, а потом побежала, что называется, не разбирая дороги, то есть не соображая, куда и зачем. Наконец я замедлила бег и огляделась. Бежала я вдоль озера и потому быстро сориентировалась. Вон там под деревьями стоит машина. А вот и дорога. Она петляла вдоль берега. Ища уединения, хозяева джипа съехали с нее и углубились в лес. При мысли о джипе, точнее о его хозяине, я зажмурилась и настоятельно посоветовала себе выбросить происшествие из головы и уж точно никогда и никому, даже Таньке, о нем не рассказывать, дабы не умереть со стыда.

– Ужас, – пробормотала я себе в оправдание, в том смыс-

ле, что в таком чертовом месте с бедной девушкой может приключиться все, что угодно.

Однако волнение, которое теперь я называла безобразным, не проходило. Хуже того, меня начало слегка трясти, а потом мне захотелось реветь, что уж вовсе никуда не годилось. Так как и Ирина, и карлик, и прочие в этом доме меня волновать перестали, точно по мановению волшебной палочки, я решила: лучшее, что могу сделать для себя, это искупаться. Вода всегда благотворно действовала на мою нервную систему, авось и в этот раз не подведет. Осознавать, что ты относишься к разряду тех людей, что испытывают сексуальное влечение, подглядывая за чужой любовью, мне упорно не хотелось. Эдак начнешь эротику смотреть, журнальчики листать... Я поморщилась, ибо такие занятия считала совершенно недостойными.

Берег озера здесь был покатый, скрытый зарослями кустов, в трех шагах виднелся спуск к воде. Лужайка выглядела так, точно кто-то специально для меня ее подготовил. От дороги довольно далеко, вряд ли кто появится оттуда неожиданно, и до машины не близко. Впрочем, ее хозяева так заняты друг другом, что, даже если увидят меня, интереса не проявят.

Я быстро разделась и полезла в воду. Я ожидала, что она будет холодной, но вода оказалась теплой, точно на море в разгар сезона. Я начала беспричинно улыбаться, зашла по грудь и поплыла. Это было сказкой. Я легла на спину, раски-

нув руки, смотрела в темное небо с россыпью звезд и думала: это и есть счастье. От такого открытия захотелось смеяться. Я в самом деле засмеялась, а потом принялась дурачиться, ныряла, плескалась, падала на спину и замирала, представляя себя то дельфином, то неведомым морским чудовищем. Не знаю, как долго это продолжалось, я выбилась из сил и, несмотря на то, что вода была теплая, успела озябнуть. Выбралась на берег и поспешно оделась. Мысли о карлике и его загадках окончательно меня оставили, но тут явилась другая проблема: как я вернусь домой? Возможно, существовала еще дорога к дому, не только та, по которой я попала сюда, но мне об этом ничего не известно. Идти вновь мимо машины мне не хотелось, а плутать в темноте по лесу занятие глупое и бесперспективное, так что выбора, пожалуй, нет. «Надеюсь, они уже уехали», – подумала я. Сердце вновь учащенно забилось. Это вызвало раздражение. Что это такое, в конце концов? А если парочка все еще там? Постараюсь прошмыгнуть незаметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.